

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

ПАРК
ГОРЬКОГО

Детективное ретро

Валерия Вербинина

Парк Горького

«Автор»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вербинина В.

Парк Горького / В. Вербинина — «Автор», 2019 — (Детективное ретро)

ISBN 978-5-04-107073-1

1935 год. В парке Горького в день визита важного заграничного гостя убита молодая женщина. Наверху считают, что это может быть провокацией, предпринятой для дискредитации Советского Союза в глазах иностранцев. Расследование поручено одному из лучших сыщиков Московского уголовного розыска Ивану Опалину. Дело кажется ему сравнительно простым, и он даже не отказывается ради него от остальных расследований. Но вскоре выясняется, что жертва, личность которой он установил, по документам уже несколько лет мертва...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107073-1

© Вербинина В., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Знакомство	6
Глава 2. Коллеги	9
Глава 3. Пропажа	13
Глава 4. Рутинa	17
Глава 5. Протокол	22
Глава 6. Дом номер 38	28
Глава 7. Маки	33
Глава 8. Лиза	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерия Вербина Парк Горького

© Вербина В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Данный роман является вымыслом. Любое сходство с реальными людьми или событиями непреднамеренно и случайно.

Глава 1. Знакомство

*Розовые лица.
Револьвер
желт.
Моя
милиция
Меня бережет.*

В. Маяковский, «Хорошо!»

Новичок выглядел нелепо. Его серая рубаха явно была рассчитана на кого-то ниже ростом и вдобавок наделенного не такими длинными руками, так что манжеты оказались значительно выше запястья, швы врезались в подмышки, а на груди ткань слишком тесно прилегал к телу. Брюки тоже подкачали – их шили на куда более упитанного мужчину, и нынешний их стройный обладатель в них попросту тонул. Потертый коричневый ремень, которым он был перетянут, не слишком спасал положение. Из-под темной фуражки с зелеными кантами лихо торчали непокорные темные волосы, которые, похоже, давно не стригли. На воротнике рубахи красовались зеленые петлицы, и человек, сидящий в кабинете, уставился на них с некоторым изумлением.

– Товарищ Опалин, – с широкой улыбкой выпалил нескладно одетый малый, обращаясь к сидящему за столом, – вот... так сказать... прибыл в ваше распоряжение... Я Юра Казачинский.

И, вспомнив что-то, он залез в один нагрудный карман, потом в другой, после чего стал рыться в кармане брюк. Не переставая улыбаться, Юра достал какую-то сложенную бумагу, напечатанную на машинке и снабженную несколькими подписями, развернул ее и положил на стол перед собеседником.

– Рад знакомству, Иван Георгиевич, – прибавил Казачинский все с той же открытой подкупающей улыбкой.

Следует, впрочем, отметить одну странную и даже настораживающую деталь – чем шире он улыбался, тем мрачнее становился немолодой человек, сидящий за столом. Услышав отчетливо, он едва заметно поморщился. Глуховатым баском поправил:

– Григорьевич, – и стал растирать висок, словно тот почему-то вдруг заныл. – Вы, простите, к нам в угрозыск по комсомольской линии попали?

– Н-нет, – после легкой заминки ответил Юра, перестав улыбаться. – Я... э...

Дверь без стука распахнулась, и в кабинет вошел молодой брюнет в штатском, коротко стриженный и со шрамом на виске. Из угла его рта свисала папироса. Походка стремительная, шаги твердые, взгляд в какие-то ничтожные доли секунды взвесил, оценил, рассмотрел незнакомца – и, похоже, вынес ему окончательный вердикт, не подлежащий обжалованию.

– Товарищ Опалин, – сказал немолодой подчеркнуто официальным голосом, поднимаясь с места и обмениваясь с вновь прибывшим крепким рукопожатием, – вот, полюбуйтесь. Подкрепление нам прислали – опять. Печется о нас начальство...

В последнюю фразу, вроде бы невинную по форме, он ухитрился вложить столько ядовитого сарказма, что Казачинский даже растерялся. Немолодой передал Опалину бумагу, которую тот тщательно прочитал, изредка бросая не слишком приветливые взгляды на нелепую фигуру нового сотрудника.

«Да он ненамного старше меня... – сообразил Юра, тарашась на своего будущего непосредственного начальника. – Конечно, лет двадцать пять ему... ну, или двадцать семь... А старик тогда кто?»

Хотя стояло лето и в кабинете было жарко, «старик» – которому на вид казалось чуть больше сорока – был застегнут на все пуговицы. Его серая фуражка с красным кантом лежала на столе, и, покосившись на нее, Казачинский машинально отметил, что она не слишком похожа на ту, которую ему не далее как вчера выдали на складе.

– Где Яша? – спросил Опалин, обращаясь исключительно к старику и напрочь игнорируя нового сотрудника.

– Дома.

– Дома? – Опалин неодобрительно вздернул ломаные брови, его шрам шевельнулся.

– Мать его звонила, сказала, он отлеживается после вчерашнего. Сегодня не придет.

– Прекрасно, просто замечательно, – свирепо одобрил Опалин, – конечно, угрозыск – это такое место, куда каждый приходит, когда хочет. Подумаешь, работа! Подумаешь, дело надо делать! – Он бросил бумагу на второй стол, стоящий в кабинете, круто повернулся к Казачинскому, вытащил изо рта папиросу и повысил голос. – А всего-то увидел труп человека, которому перерезали горло. Надеюсь, вы не собираетесь падать в обморок, если нам попадется зарезанный?

– Ну, я... – пробормотал Юра, лихорадочно ломая голову, как себя вести и что вообще сказать, чтобы не восстановить против себя вспыльчивого и непредсказуемого собеседника.

– Почему петлицы зеленые? – требовательно спросил Опалин, кивая на его воротник.

– Я... Мне такую форму выдали. Сказали, другой нет...

Иван смерил своего нового подчиненного хмурым взглядом.

– Сто лет уже не носят зеленые петлицы, – проворчал он, остывая. – И фуражку такую – тоже... Черт знает что!

Не зная, что делать, Казачинский поспешно снял фуражку – и тут же позорным образом выронил, после чего ему пришлось нагибаться и подбирать ее с пола. Пока он проделывал все эти манипуляции, его коллеги обменялись взглядами, которые были куда красноречивее любых слов. Взгляд Опалина выражал искреннее недоумение, что этот недотепа собирается делать у них в угрозыске; взгляд старика был полон сочувствия и призывал набраться терпения. Сделав раздраженный жест, Иван сунул в рот папиросу, заложил руки в карманы, подошел к окну и стал к собеседникам спиной.

– Скажи, чем ты вообще занимался до того, как к нам попал? – дружелюбно спросил старик у Казачинского.

– Ну, много чем, – оживился Юра.

– Школу-то хоть окончил?

– Да. Семилетку.

– А после школы что?

– Работал.

– Где?

– Да по-разному. И на заводе, и на зубного техника учился, и лошадей, бывало, объезжал.

– Лошадей? – уже безнадежно спросил старик.

– Ну... да. А еще в кино трюки делал. Я трюкач.

– А почему не актер? Внешность у тебя вроде подходящая, – хмыкнул собеседник.

Юра насупился. Нет, к своей внешности этот красивый брюнет с ямочкой на подбородке не имел никаких претензий. Но...

– Да пробовал я поступить в актерский техникум, – признался он в порыве откровенности. – И меня даже хвалили... Но потом экзаменатор мне говорит – молодой человек, я, конечно, могу вас взять, но подумайте сами: кого вы будете играть? Эпоха, говорит, требует

пролетарских типажей, а какой из вас пролетарий? – Казачинский конфузливо хихикнул. – Смешно, да? У меня в роду все крестьяне да рабочие, а мне говорят – не похож я на пролетария. А для белогвардейцев и всякой такой нечисти, сказал мне экзаменатор, у вас лицо слишком положительное...

– Положительное, значит? – вздохнул старик.

– Ага, – подтвердил Юра, лучась улыбкой.

Судя по всему, собеседник Казачинского собирался продолжить свой допрос, но тут, к счастью, их прервал телефонный звонок. Стоящий на столе Опалина аппарат разразился сиплым треском, и – Юра так и не понял, как именно это случилось, но уже в следующее мгновение Иван оказался возле телефона, хотя только что стоял у окна в другом конце кабинета.

– Уполномоченный Опалин слушает. Да... хорошо... понял.

Он повесил трубку и повернулся к остальным.

– С оружием дело иметь приходилось? – спросил Иван у Казачинского.

– Нет, Иван Георгиевич, – пробормотал тот.

– Григорьевич, – сухо поправил его Опалин, и Юра с опозданием сообразил, что сегодня уже не первый раз путает отчество собеседника.

Все было ему внове, все казалось загадочным, странным и необычным, и больше всего – люди, с которыми он столкнулся в кабинете знаменитого здания на Петровке. Они были такие же, как все, и в то же время чувствовалось в них что-то, что отличало их от обыкновенных граждан, которые ходили по улице и не имели допуска в этот приземистый дом в три этажа, считая и цокольный. «Смотрит, а глаза как... забыл... ну, лучи, которые видят человека насквозь... Рентген, во! Или я придумываю, потому что нервничаю? Да нет, ничего я не придумываю...»

– На оружие и кобуру нужно отдельное разрешение, – негромко напомнил старик.

– Ладно, – сказал Иван, – с этим мы потом разберемся... Все равно, пока стрелять не научишься, оружия я тебе не дам. Поехали.

– Куда? – вырвалось у Казачинского. Он прикусил язык, но было уже поздно.

– Как куда? На выезд. Убийство у нас. – Опалин одним движением расплющил окурочок папиросы в пепельнице. – Ты же не думал, я надеюсь, что мы тут в бирюльки играем? – Юра молча потряс головой, машинально комкая в руках фуражку. Он чувствовал себя донельзя глупо и с отчаянием думал, что никогда не станет в кругу этих решительных, бесстрашных, пронизательных людей своим. – Нет? Ну и хорошо. Петрович, зови наших. Кто сегодня шофер – Харулин? Это хорошо: он вмиг нас домчит!

Глава 2. Коллеги

Легковые автомобили и мотоциклы при движении по городу должны быть снабжены двумя номерными знаками, а также сигнальным аппаратом, подающим явственно слышимые сигналы. Предельная скорость не должна превышать 25 километров в час.
«Правила движения по городу Москве», 1927

В сущности, все оказалось не так страшно.

Группа, выехавшая на место преступления, состояла из пяти человек, если не считать шофера. В нее входили Опалин, старик, которого, как оказалось, звали Карпом Петровичем Логиновым, фотограф Спиридонов с громоздким фотоаппаратом на сложенном штативе, судмедэксперт Владимир Митрофанович Шаповалов и, собственно, сам Казачинский.

Его немного разочаровало, что им выделили не новенький автобус, а обычную старую машину, и вдобавок ко всему – открытую, что при переменчивости московской погоды представляло немалые неудобства. Но июльское солнце светило ярко, ветер бил в лицо, и Юра повеселел. Он решил, что ехать в машине, пусть и толкаясь локтями на тесном сиденье, было даже лучше, чем задыхаться от жары в просторном автобусе.

Подробности его биографии недолго были секретом для окружающих, и едва машина выехала за ворота, к Казачинскому как-то сама собой прилепилась кличка «трюкач».

– А ты в «Чапаеве»¹ снимался? – спросил Спиридонов, щуря свои маленькие, но необыкновенно внимательные глаза.

Юра признался, что нет, не снимался, но знает ребят, которые там были заняты в масковке.

– Слушай, трюкач, а ты к нам надолго или так? – спросил Шаповалов.

– Как получится, – уклончиво ответил Юра. Он увидел устремленные на него взгляды, в которых читалось что угодно, кроме одобрения, и тотчас пожалел о своей уклончивости, но было уже поздно.

– Ты, главное, в обморок при виде крови не падай, – добродушно посоветовал Шаповалов, блестя очками. – А то мне приходится бросать труп и оказывать помощь сотруднику. На что это похоже?

Все заулыбались.

– А что, труп претензии какие-то предъявляет? – выпалил Казачинский, и его импровизированная шутка, отдающая черным юмором, немного разрядила обстановку. Сидящие в машине засмеялись.

– Форма у тебя, конечно, это что-то, – заметил Спиридонов, разглядывая устаревшие петлицы на воротнике Казачинского. – Надули они тебя на складе. Знаешь что, ты лучше в штатском пока ходи – у Вани в группе это разрешается. Вот если начальство пожалует – не наше, а откуда-нибудь сверху, – тогда да, могут быть неприятности. Хотя ты всегда можешь сослаться на то, что только что поступил в угрозыск.

Казачинский слушал и кивал. Значит, для них человек со шрамом был просто Ваня. Старик, как он успел заметить, фигурировал в дружеских разговорах как Петрович, но как-то подспудно ощущалось, что Ване оказывают больше уважения и к нему обращаются с большим почтением. «Такой жуткий шрам, – думал Казачинский, поглядывая на рубец возле виска

---

¹ «Чапаев» (1934) – знаменитый фильм однофамильцев Васильевых, пользовавшийся у зрителей (в отличие от большинства лент схожей тематики) колоссальным успехом.

Опалина, – конечно, достался ему в каком-то деле... Наверное, чуть не убили его. Опасная у них работа... Но я ведь знал, на что иду. Знал? И в любом случае...»

– Ваня, а это правда, что у нас звания введут, как в Красной армии? – спросил Логинов у Опалина.

– Кто сказал? – Иван нахмурился.

– Да слухи ходят.

– Ну раз Петрович говорит, значит, дело верное, – засмеялся фотограф.

– Захотят и введут, нас не спросят, – усмехнулся Опалин. – И будем все капитаны и лейтенанты. – Возвращение к системе званий расценивалось современниками неоднозначно; многим казалось, что это шаг назад, который не может принести ничего хорошего.

– Не-не, я меньше чем на полковника не согласен, – встрепенулся Шаповалов.

Он был молодой – чуть старше тридцати – жизнерадостный круглолицый весельчак, и ничто в его манерах не напоминало о его непростой профессии.

– Мы тебя генералом сделаем, – пообещал Петрович, ухмыляясь. – Генерал Шаповалов, на которого никогда не жаловались пациенты...

– Ха-ха-ха!

– Генерал с собственным кладбищем! Чего не о каждом можно сказать! – с пафосом объявил Спиридонов.

– Да, это признак настоящего генерала, – заметил Опалин, улыбаясь.

– Заслужил, товарищи! Заслужил! Днем и ночью трудился без усталости! – прокричал Шаповалов, важно поднимая указательный палец, и все захохотали так, что на них стали оглядываться из соседних машин.

Голова у Казачинского шла кругом. «Ведь где-то убили человека. Может быть, тело еще не остыло... а мы едем туда – и смеемся. – В тесной гимнастерке было жарко, лучи солнца слепили, он надел фуражку, которую держал на коленях, и поправил козырек. – Но, с другой стороны, солнце ведь светит, несмотря на то, что кто-то умер. И жизнь как-то продолжается...»

Пока они стояли на перекрестке, общий разговор принял совсем неожиданное направление. Кто-то упомянул Романа Роллана, который как раз в эти дни гостил в Советском Союзе, и выяснилось, что Петрович и доктор читали его книги и имели о них собственное мнение, отличающееся от газетных панегириков.

– Неплохо пишет, – сказал Шаповалов. – Но – французисто.

– Это как? – спросил Опалин с любопытством.

– Ну, понимаешь, человек старается, и вроде бы герои у него есть, и события разные он умеет подать, а глубины нет. Вроде как тебе обещали описать море, а присмотришься – это не море, а лужа.

– Нет, – решительно объявил Петрович, – ты не прав. Я понимаю, что ты имеешь в виду, но море – не его тема. У него цель другая. Кто-то описывает море, а кто-то – парус.

– А еще кто-то – ракушку на берегу. А если мне неинтересны ракушки? И вообще, все французские писатели одинаковые: блеска много, а копнешь – кроме него, ничего-то и нету. Куда им до наших...

– Угу, до Алексея Максимыча, например, – ехидно ввернул фотограф.

– Я не о современных. Впрочем, я ничего против Горького не имею...

От Казачинского не укрылось, что вместо последней фразы судмедэксперт собирался сказать что-то едкое, но передумал – может быть, из-за его присутствия. Горький был иконой – настолько, насколько может быть ею человек в стране, официально являющейся противницей любых религий. Среди писателей он занимал исключительное положение и считался непререкаемым авторитетом во всем, о чем пожелал бы высказаться, начиная от политики Муссолини²

---

² Бенито Муссолини (1883–1945) – глава фашистской партии и фактический правитель Итальянского королевства, где

и заканчивая проблемами ядерной физики. В его честь были названы огромный город, лучшая улица Москвы и грандиозный парк отдыха, не говоря о сотнях прижизненных статуй, о кораблях и самолетах, о колоссальных тиражах и подписанных его именем статьях на первых страницах газет. Но несоответствие реального таланта и масштаба раздуваемой вокруг Горького шумихи уже тогда бросалось в глаза и не на шутку задевало тех, кто любил и ценил настоящую литературу. В сущности, он был хитрый мужик, который сидел на одной лавочке с Толстым и Чеховым и сначала, при царском режиме, умело эксплуатировал свой образ человека из народа и гонимого борца за справедливость, а после революции благосклонно внимал всем преувеличенным хвалам в свой адрес. Распознать его человеческое лицо под масками, которые он носил и исподволь навязывал окружающим, было нелегко, потому что весь он, начиная с хлесткого псевдонима, состоял из эффектов, из игры, то тонкой, то топорной, одним словом – из мнимостей. Как колобок, он долгое время ускользал от всех и свои выдуманные или истинные неприятности всегда оборачивал в свою пользу, что является признаком манипулятора высочайшей пробы, но – как и в сказке – однажды неминуемо должен был нарваться на лису или, вернее, на лиса, который таких манипуляторов заглывал пачками. Внешне, впрочем, все выглядело вполне пристойно: товарищ Горький больше не мог лечить свой туберкулез на фашистском Капри и вернулся в СССР, где ему создали наилучшие условия для работы – оттяпали прекрасный особняк Рябушинского у учреждения, которое порядочно его загадило, сделали ремонт, завезли мебель, приставили секретарей – ну и охрану, само собой, потому что писателя обидеть может каждый, а ему этого вовсе не нужно. И сейчас, летом 1935 года, Горький продолжал сочинять «Жизнь Клим Самгина» – последний роман, который подводил под его творчеством черту, роман многословный, обширный – и слишком умственный для настоящего произведения искусства; роман, в котором вроде бы есть все и в то же время чего-то мучительно не хватает.

– Приехали! – крикнул Харулин.

Он затормозил так резко, что сотрудников отбросило назад на сиденья, а Спиридонов едва не уронил фотоаппарат, хоть и держал его всю дорогу бережно, как новоиспеченный папаша – своего младенца.

Весельчак Шаповалов выругался столь заковыристо, словно являлся человеком, который в жизни не прочел ни единой книги и все свободное время проводил в бандитских притонах. Казачинскому было не привыкать к нецензурной брани, но тут он, надо признаться, малость опешил. По его мысли, шофер ни в чем не был виноват – какой-то человек кинулся наперерез их автомобилю, и если бы Харулин не затормозил, то сбил бы его.

Меж тем незнакомец подскочил к их машине и, хотя его никто об этом не просил, стал судорожно дергать ручку дверцы, которую в конце концов сумел-таки открыть.

– Иван Григорьевич, – взволнованно выпалил он, – я от дежурного узнал, куда вы направляетесь... какая удача, что я живу неподалеку! Тело в переулке, я не стал к нему подходить, там милиционер, ну и дворник с ним... Я тут кое с кем уже успел потолковать, убитую уже узнали, проблем с опознанием у вас не будет...

– Яша, – сказал Опалин после паузы, – ты же вроде дома должен быть, нет?

Незнакомец засопел, оставил ручку в покое и стал наливать розовой краской. На вид ему было лет двадцать. Невысокий, тщедушный, черные волосы вьются мелким бесом, на длинном тонком носу с горбинкой – очки, из-под которых блестят умные, пытливые темные глаза. Тонкая шея с выпирающим кадыком, рот, пожалуй, крупноват и уши торчат, как у школьника. Впрочем, сейчас он и в самом деле чем-то напоминал школьника, который наткнулся на строгого учителя. На лацкане ладно скроенного светло-серого пиджака Яши пламенел комсомольский значок.

– Иван Григорьевич, честное комсомольское, вчерашнее не повторится... Я с непривычки... и эта рана у него на горле, как второй рот... – Яша содрогнулся при одном воспоминании о вчерашнем убитом. – Не могу же я сидеть дома, когда вы работаете... А что это за товарищ? – спросил он, кивая на Казачинского, и уставился на Юру с нескрываемым подозрением.

– Укротитель диких животных, трюкач и зубной техник, – проворчал Спиридонов, выбираваясь из автомобиля в обнимку с фотоаппаратом. – Все зубы выдрал, всех зверей укротил, в «Чапаеве» снялся, теперь вот подался в уголовный розыск.

Тот, о котором он говорил, открыл было рот, чтобы напомнить, что он не снимался в «Чапаеве» и не был укротителем диких зверей, но что-то – может быть, инстинкт – подсказало ему, что спорить бесполезно, и он предпочел просто улыбнуться.

– Юра Казачинский – Яша Кауфман, – коротко представил сотрудников друг другу Опалин. – Пошли, посмотрим, в чем там дело...

– А почему петлицы зеленые, а не синие? – заикнулся было Яша, от которого не укрылся несообразный наряд нового коллеги, но никто не стал ему отвечать. Казачинский воинственно поправил фуражку и двинулся следом за Опалиным.

Глава 3. Пропажа

Улик настоящих нет, а все какая-то философия...

А. Чехов, «Шведская спичка»

Она лежала возле стены, на боку, вытянув вперед одну руку, и если бы не странная застывшая поза – знак смерти, которая кладет конец всякому движению и ставит в жизни точку, – можно было бы подумать, что светловолосая девушка в темно-синем платье в мелкий цветочек просто потеряла сознание. Возле трупа переминались с ноги на ногу бородатый старик в дворницком фартуке и милиционер, крепко сбитый веснушчатый малый лет тридцати, который курил, пуская дым. Завидев Опалина, милиционер поспешно бросил папиросу и сделал шаг ему навстречу.

– Ларионов? – полувопросительно-полуутвердительно уронил Иван, поглядев ему в лицо. Милиционер, просияв, козырнул.

– Доброе утро, Иван Григорьевич... Хотя какое оно доброе, конечно, – он оглянулся на труп и смущенно кашлянул.

– Ты окурочек-то подбери, а то еще в улики попадет, объясняться придется, – негромко заметил Опалин. Ларионов поспешно нагнулся и, взяв окурочек, отбросил его подальше. – Ну, что тут у нас?

Иван присел на корточки возле тела, поглядел на рану на груди – небольшое пулевое отверстие, из которого вытекло совсем немного крови. Это был один из тихих и ничем не примечательных полупереулков-полуподворотен, которые в изобилии водились в Москве до ее перепланировки. Издалека доносились шум большой улицы, гудение моторов и трамвайные звонки. Опалин поднял голову и обвел взглядом высокую обшарпанную стену, когда-то ограждавшую что-то вроде сада, старый сарай и пыльные липы с другой стороны и в конце переулочка – глубокую лужу, в которой плескались воробьи. Время от времени кто-то из воробьев встряхивался и взлетал с задорным чириканьем.

– Застрелили, – сказал милиционер, зачем-то поясняя то, что и так было понятно. – Тело не трогал, осмотрелся на месте, подозрительных следов и оружия не заметил. Иных улики тоже не наблюдается...

– Шаповалов! – крикнул Опалин, поднимаясь на ноги.

Судмедэксперт подошел, наклонился над убитой. Фотограф тем временем устанавливал свой аппарат.

– Кто нашел тело? – спросил Иван.

– Дворник. – Милиционер указал на старика.

– Я ничего не трогал, – поспешно сказал тот. – Иду, гляжу – лежит и не шевелится. Подошел поближе – батюшки-светы! И вас сразу же вызвал. Мне неприятностей на надоть...

– Как зовут? – вмешался Петрович.

– Меня-то? – на всякий случай уточнил дворник. – Анисимов я, Макар Петрович. Сорок лет тут дворником служу. И при царе, и, значаща, без царя. – Он скромно кашлянул в кулак.

– Убитую знаете? – спросил Опалин.

– Как не знать, знаем, конечно. Зоя ее зовут. Зоя Ходоровская. Мы с ней в одном доме живем, – и он махнул рукой, указывая направление.

– Отчество Зои помните?

Дворник наморщил лоб.

– Васильевна, – сказал он наконец. – Да, точно. Васильевна.

– Раз уж вы жили с ней в одном доме, расскажите, что вы о ней знаете, – попросил Опалин, внимательно глядя на дворника. Тот задумчиво поскреб бороду.

- Ну... Хорошая девушка. Веселая, приветливая... То есть была, пока мать не умерла.
- Вот как? А мать у нее кто?
- Врать не буду, точно не знаю. Они вместе в этой... как ее... «Жиркости» работали. – «Жиркостью» назывался трест по производству косметики, который объединял несколько фабрик. – Пахло от них всегда приятно – одеколоны разные, мыло. А потом мать какой-то ржавой скрепкой укололась, ну, случайно. Внимания не обратила, а у нее заражение крови началось... В общем, померла она.
- А отец Зои чем занимается? – спросил Петрович.
- Чем он может заниматься? – пожал плечами дворник. – Умер он давно. Хворый он был, все на сердце жаловался. К врачам ходил, да только не помогли они ему. И главное, не от сердца умер, а от воспаления легких. Тогда зима суровая была...
- Братья-сестры у Зои есть? – поинтересовался Опалин.
- Нет. Она одна осталась.
- Поклонники?
- Были, – оживился Макар. – Она девушка видная, ну... Ходил к ней сначала один с фабрики, потом другой.
- А конкретнее?
- Вам имена нужны? Первого Васей звали, второго – Никитой. Да, верно: Никитой. Вася блондин, а Никита совсем даже наоборот. Он пиво уважает, ну а Вася больше водочку.
- Откуда такие сведения? – не удержался Казачинский.
- Так я слышал ее разговоры с ними, – ответил дворник, с недоумением косясь на его зеленые петлицы. – Ни-ни, не подслушивал, конечно, просто так получилось. Она с Васей из-за того и рассталась, что он излишне водочку уважает. Никита-то ей больше подходил, конечно.
- Ссорилась? – деловито спросил Петрович.
- Кто?
- Зоя с кем-нибудь из них ссорилась?
- Я не слышал. Не знаю.
- Ну а вообще? – спросил Опалин. – Может, она с кем-то ругалась? Или не поделила что-нибудь? Или кто-то ругался с ней? – добавил он, видя, как Макар морщит лоб. – Соседи, знакомые, не знаю, подруги какие-нибудь?
- Нет, – решительно ответил дворник после паузы и головой потряс. – Она приличная девушка была. Ее с матерью все уважали.
- Почему она оказалась здесь? – спросил Петрович, хмурясь. – Именно в этом месте? Макар Анисимов поглядел на него с удивлением.
- Так это, она чуть ли не каждый день тут ходила. От дома до остановки трамвая – самый короткий путь. Ну или мимо аптеки идти, тоже быстро дойдешь. Кому как удобно...
- То есть она собиралась поехать на работу? – уточнил Опалин.
- Ну так.
- Без вещей, без документов? Платье-то без карманов.
- Казачинский затрепетал от восторга. Вот, значит, как работают настоящие сыщики. Подбираются, задают вроде бы незначительные вопросы, прощупывают обстановку и хоп – документы-то где? А деньги? Не бесплатно же она на трамвае ездила...
- А ведь верно! – с удивлением воскликнул дворник. – То-то я думаю: чего-то не хватает... У нее же сумочка была. А сумочки-то и нет...
- Опишите, как сумочка выглядела, – велел Петрович.
- Как выглядела? Ну... черная, обыкновенная, сверху желтая защелка...
- Металлическая? – уточнил Опалин.
- Вот, вот!
- Сумочка какая по форме – круглая, квадратная?

– Длинная. Не круглая...

– На ремешке?

– Да.

– Ремешок короткий, длинный?

– Хороший такой, чтобы через плечо носить. Красивая сумочка была, я вам скажу. Так что, Зою из-за нее...

Милиционер, который изнывал от желания вставить слово, наконец учуял возможность – и вмешался.

– Ну, из-за нее или не из-за нее – товарищи из угрозыска разберутся... Ты ничего от нас не утаил?

– А что мне таить? – обиделся Макар. – Я человек маленький, что знаю – то и говорю. А чего не знаю, того уж, простите, не скажу...

– Володя! – окликнул Опалин судмедэксперта, и Шаповалов тотчас подошел к нему.

– Мертва около часа, – доложил врач, – убита практически в упор. На одежде вокруг раны частицы пороха... Но ты и сам наверняка заметил. Она шла, убийца двигался навстречу, выстрелил в нее, забрал сумочку и скрылся. Вот и все... – И он повторил, оглянувшись на тело: – Вот и все.

– Слышал ли кто-то выстрел, вот в чем вопрос, – буркнул Опалин. – Макар Петрович! Час назад или около того – вы не слышали какой-то странный шум? Похожий на выстрел?

Но Анисимов объявил, что он ничего такого не помнит, потому что возился дома с метлой, которую надо было починить, и окно у него выходит на другую сторону.

– Неужели действительно из-за сумочки? – пробормотал себе под нос Петрович, хмурясь. – Скажи, а что, Зоя носила при себе большие суммы денег? – спросил он у дворника, повышая голос.

– Да почему мне знать? – пожал тот плечами. – Странные вы вопросы задаете, молодые люди...

– Но кто-то же мог знать, – буркнул Опалин, насупившись. – Или...

– Тебя что-то смущает? – спросил Петрович без обиняков.

– Время. Если бы ее убили ночью...

Он оглянулся на воробьев, которые плескались в луже, и мрачно о чем-то задумался.

– О ночи и речи быть не может, – объявил Шаповалов. Он заложил руки за спину, вскинул подбородок и глазами сверкнул, как рассерженный кот.

– Володя, да разве я говорил, что сомневаюсь, – усмехнулся Опалин. И судмедэксперт сразу же успокоился, лицо его расслабилось.

В конце переулка показалась простоволосая женщина, увидела белую фигуру милиционера в суконном шлеме с красной звездой, группу людей возле тела, охнула и исчезла. Через минуту она вернулась с еще двумя, взволнованно толкуя о чем-то и размахивая руками, как мельница. Спутницы охали, ахали, ужасались и проявляли живейший интерес.

– Сюда нельзя! – на всякий случай прокричал Ларионов, приосанившись. – Тут место преступления... Нельзя, кому говорят! – прикрикнул милиционер, когда одна из женщин захотела подойти поближе.

– Не может быть, чтобы она ни с кем не ссорилась, – пробормотал Петрович, глядя на убитую. – У всякого живого человека есть враги. Да и у мертвых, бывает...

– Два поклонника, – напомнил фотограф со значением. Поглядывая на солнце, которому именно теперь взбрело в голову поиграть в прятки с немногими облаками, он готовился заснять тело.

– Поклонники? – рассеянно переспросил Опалин, который ходил вокруг тела, что-то изучал на асфальте, оглядывался и что-то прикидывал. – Да... конечно...

Казачинский почувствовал, что его дергают за рукав, и, обернувшись, увидел Яшу Кауфмана, о котором, по правде говоря, успел уже забыть.

– Крови много? – спросил Яша с мученическим видом.

– Да нет, – пожал плечами Казачинский. Его собеседник покосился в сторону трупа и на глазах стал бледнеть. Чертыхнувшись про себя, Юра подхватил своего незадачливого коллегу под локоть, оттащил его в сторону и встал так, чтобы заслонить от него убитую.

– Со мной все в порядке, – пробормотал Яша, снимая очки и нервным движением протирая их. – Я... я ничего. Все в порядке...

– Слушай, – не удержался Казачинский, – если ты вида крови боишься, что ты вообще делаешь в угрозыске?

– Ну не всем же так повезло, как тебе! – рассердился Яша, надевая очки и заправляя дужки за уши.

– Повезло? В чем?

– В том, что ты... А! – Яша безнадежно махнул рукой. – Скажи, только честно: ты ведь не снимался в «Чапаеве»?

– Нет, – признался Казачинский.

– Так я и знал! Я сразу же понял, что они шутят. Конечно, у тебя побольше опыта, чем у меня. – Юра открыл рот. – Но я исправлюсь! Я же понимаю, что выходит нелепо. Не должен сотрудник угрозыска бояться крови. Но пока – это сильнее меня. Не знаю как, почему, но едва вижу кровь, у меня в глазах темнеет, и вообще... – Он передернул плечами. – Скажи, я не кажусь тебе смешным? Только честно. Я считаю, что человек должен уметь преодолевать себя. Свои страхи. Мы живем в эпоху великих свершений, а между тем – нас тормозят такие глупости...

Он сыпал словами, лихорадочно перескакивая с предмета на предмет. Юра глядел на него с удивлением. Тень накрыла переулок, и вытянутая рука молодой женщины стала казаться неестественно белой. Спиридонов, устав ждать, когда солнце вернется, возился с магниевой вспышкой.

– Чего стоим? – сурово спросил Петрович, обращаясь к новичкам. – У нас еще прорва работы, между прочим. Осмотреть комнату убитой, допросить соседей... Яша! И ты, трюкач... Не отставать и никуда не вступать, ясно? Вы пока только учитесь...

– Ваня, я тебе больше не нужен? – спросил Шаповалов у Опалина. – Тогда я к Харулину.

Он удалился. Милиционер поглядел ему вслед и вздохнул.

– Пиво пить небось будут, – неизвестно кому меланхолично сообщил Ларионов. Он снял свой суконный шлем, вытер рукавом пот со лба и вернул головной убор на место.

Усилием воли отогнав соблазнительное видение, представшее перед его внутренним взором, – кружку прохладного пива, увенчанную толстой шапкой пены, – Казачинский двинулся следом за Опалиным. Яша семенил рядом, на ходу приравливаясь к широким шагам своего нового товарища. Когда они покинули переулок, из-за облаков показалось солнце, и Спиридонов, не рассчитав момент, полыхнул вспышкой. Он сдавленно ругнулся, поняв, что пожег магний зря, и стал переустанавливать фотоаппарат, чтобы – как требовалось тогдашними правилами криминалистики – перенять труп с противоположной точки.

Глава 4. Рутин

Государственная кондитерская фабрика «Марат» производит высокого качества драже. Орех, бобы мокко, вишня, миндаль, грильяж в шоколаде. Халва шоколадная, ванильная, ореховая. Пектус прохладительный. Язычки, «октябрюта», «морские камни», барбарис желейный.

Рекламное объявление

– Ах, какая неприятность, товарищи! Какая неприятность!

Управдом Петр Иванович Минускин не понравился Казачинскому сразу и бесповоротно. Этаким советский буржуа – в костюмчике, который шел ему как корове седло, и ботинках на толстой подошве. Сам весь округлый, плечи покатые, волос на голове три штуки, и из них две протянуты поперек ранней лысины в тщетной надежде хоть как-нибудь ее замаскировать. Физиономия лоснящаяся и хитрая, ни малейшего доверия не внушающая, интонации лизоблюдские, а в глубине глаз – тревога. Как бы чего не вышло – для Минускина, само собой; на остальных ему, разумеется, наплевать.

– Бедная Зоя... Какая неприятность, однако!

Черт возьми, с мрачной злостью помыслил Казачинский, неужели нельзя было как-нибудь устроить, чтобы вместо бедной девушки ухлопали вот этого мелкого паразита, который чужую смерть упорно именовал «неприятностью».

– Вы хорошо знали Зою Ходоровскую? – спросил Опалин у управдома.

– Ну, не то чтобы хорошо, товарищ, но по долгу службы, так сказать, приходилось сталкиваться... Дом у нас большой, вы же сами понимаете, сколько хлопот, сколько обязанностей...

– Где она жила?

– В коммуналке на третьем этаже.

– Соседи? – отрывисто бросил Опалин, которому, похоже, Минускин тоже не внушал особой симпатии.

– Соседи... – Минускин наморщил лоб, – всего в квартире четыре семьи в шести... нет, в пяти комнатах. Лучины, Герчиковы, Карасики и Ходоровские. – Чувствуя, что от него ждут продолжения, управдом прочистил горло и бодро зачастил: – Герчиковы занимают две комнаты, отец служит в «Экспортльне» на ответственной должности, супруга – там же, секретаршей числится. Сын и дочь учатся в университете... Лучины – муж работает на фабрике звукозаписи, жена – учительница, дети – школьники. Карасик – сторож на фабрике Марата. Ну, той, которая сладости выпускает...

– Зоя дружила с кем-нибудь из соседей?

– Мгм... Ну, может быть, с женой Лучина. Или с сестрой Карасика...

– Что за сестра?

– Обыкновенная, родная, – ответил Минускин с готовностью. – После пожара с детьми к брату переехала. Пожар – в смысле, сгорело их жилье, вчистую. Неприятно, конечно...

И опять это кошмарное словечко. Неужели он не чувствует, насколько оно неуместно?

– Скажите, а с кем-нибудь из соседей Зоя ссорилась? – спросил Петрович. – Было такое?

– Мне ничего об этом не известно, – подумав, ответил управдом. И добавил, судя по всему, вполне искренне: – Вообще она, знаете, хорошая девушка была... И совсем не склочная.

Насупившись, Юра слушал, как Опалин расспрашивает управдома насчет ключей и говорит, что ему необходимо осмотреть комнату убитой и поговорить с соседями.

– А из соседей-то никого сейчас и нет, наверное, – шепотом заметил Яша, обращаясь к Казачинскому. – Все на работе или учатся... Вообще, конечно, бандита надо искать, аналогичные дела поднимать.

– Какие-какие? – нервно переспросил Юра.

– Аналогичные. Ну, где кого-нибудь тоже застрелили на улице и ценности забрали. Начать с этого района... Затем соседние. Не исключено, что убийца – местный... Проверить всех рецидивистов в округе. Ну, вы понимаете...

Юра ровным счетом ничего не понимал, но смутно чувствовал, что у Опалина какая-то своя система, которой он придерживается, что он кусочек за кусочком выстраивает общую картину, как некую сложную головоломку, и что все эти вопросы – о конфликтах, о соседях, об окружении убитой – служат одной и той же цели: найти преступника.

– Скажите, а вы видели ее поклонников? – спросил Иван у управдома.

– Пару раз. Знаком не был. Ира о них говорила...

– Что за Ира?

– Ах, простите, я не сказал... Моя жена.

Судя по лицу Минускина, он уже раскаивался в том, что упомянул ее при представителях власти. Но Опалин, к удивлению Казачинского, расщедрился на обаятельнейшую улыбку, которая совершенно преобразила его замкнутое лицо с крупноватыми приятными чертами.

– Ваша супруга, наверное, была в курсе всех сердечных дел жильцов... Ну же, Петр Иванович! Мы в угрозыске давно привыкли, что жены управдомов знают все... Что она вам сказала об этих молодых людях?

– Понимаете, товарищ, – пробормотал Минускин, – я сплетен не люблю, и вообще никогда не прислушиваюсь... Мне в моей работе сплетни ни к чему. Но строго между нами... – Он даже понизил голос, словно речь шла о сведениях государственной важности, и у Юры невольно мелькнула мысль, что супруга-то держит своего благоверного на коротком поводке. – Ира думала, что Зоя может найти себе кого получше. Нет, и Копылов, и Судейкин – прекрасные ребята, комсомольцы... Но один с окраины, другой ютится где-то в общежитии... Я, конечно, говорил Ире, что это не наше дело...

– Копылов – это Никита, что ли? – прищурился Опалин.

– Он!

– А Судейкина не Василием зовут?

– Я вижу, вы все уже знаете, – вырвалось у пораженного управдома. – Вы... простите, вы кого-нибудь из них подозреваете?

– Этого я вам не могу сказать, – загадочно ответил Опалин.

Казачинский напряженно размышлял. Так... теперь, конечно, все более-менее проясняется. Любовный треугольник, имена и фамилии подозреваемых Опалин уже установил, теперь, наверное, они поедут на завод «Жиркости», будут... как это называется... производить арест...

Но пока что пришлось покинуть кабинет управдома с чахлым фикусом на окне, подняться по лестнице и под стук сапог вторгнуться в чужое пространство – небольшую (по московским меркам) коммуналку с общей вешалкой возле входа, на которой обмяк чей-то плащ и топорщился старый сложенный зонт со сломанной спицей. На стене висел древний телефонный аппарат – с наушником, который надо прикладывать к уху, и трубкой микрофона, вмонтированной в корпус.

Дверь комнаты Зои Ходоровской была, разумеется, заперта. Опалин и Петрович стали совещаться, и прозвучало новое и непонятное для Казачинского слово «понятые».

– Я приведу дворника, – вызвался Яша и убежал.

Опалин достал коробку папирос, поделился с Петровичем и закурил. Юра от предложенной папиросы отказался и теперь мучился вопросом, не совершил ли он ошибку. «Может быть,

лучше было согласиться... чтобы, так сказать, быть с ними на одной волне...» В дверь сунулась молодая веснушчатая баба – одна из тех, которую Казачинский недавно видел в переулке.

– Ой, че деется, че деется, – проговорила она нараспев. – А Зойку и правда того? Ой, ну никогда бы не подумала...

– Вы, гражданочка, кто? – спросил Петрович таким добрым голосом, что собеседница слегка переменялась в лице и даже отступила на шаг, но тотчас опомнилась и перешла в атаку – состояние для нее куда более привычное.

– Да я внизу живу... Ивановы наше фамилиё! Слыхали небось? – задорно спросила она. – Известное фамилиё, что уж там! Куда ни пойдешь, обязательно Иванова встретишь... А Зойку жалко, ой, жалко-то как! Сил нет как жалко. Она у меня недавно хотела пять рублей занять, хорошо, что я ей не дала. Дала бы – и с кого теперь спросишь?

Минускин сделал страшные глаза и отчаянно махнул на болтушку рукой. Иванова засмеялась и, повторив: «Ой, че деется!», исчезла.

– Это кто? – спросил Опалин.

– Наталья Иванова, – ответил управдом. – Из пятой квартиры...

– Служит?

– Приходящая домработница она. Вы только не подумайте чего...

– Да я ничего и не думаю, – перебил его Опалин, – а скажите-ка мне вот что: среди ваших жильцов числятся бывшие уголовные?

Минускин вытаращил глаза.

– Что вы! Да если б кто был, я бы сразу же вам сказал... Разве ж я не понимаю? Я прекрасно понимаю... подозрительный, так сказать, элемент...

Казачинскому опротивел этот червяк. Все вдруг стало казаться каким-то чудовищно пошлым – и лоснящаяся рожа Минускина, и одинокие волосины на его лысине, и тошнотворная соседка снизу, которая радовалась тому, что не одолжила убитой денег, и то, что Опалин зачем-то тянул время и хотел взглянуть на комнату жертвы, вместо того чтобы действовать. Юра вспомнил удивленное личико Зои, ее глаза, в которых застыла боль, и ему стало не по себе. У кого-то хватило духу отнять ее молодую, прекрасную жизнь – а те, кому положено искать убийцу, равнодушно дымят и, пожалуйста, теперь обсуждают с управдомом предстоящую отмену продовольственных карточек. Хорошо это будет или плохо и не пойдут ли опять цены вверх.

Сердясь на весь свет, Казачинский прогулялся до конца коридора и заглянул в кухню, где стояли примусы, четыре разнокалиберных стола и прочая мебель. Он попытался определить, за каким столом сидела Зоя, хорошенько сам не понимая, почему это так для него важно. Герчиков служит в «Экспортльне», в семье четыре человека. Лучин с фабрики звукозаписи, жена учительница, в семье тоже не меньше четырех человек, потому что управдом сказал «дети» во множественном числе, а это как минимум двое. Сторож Карасик живет с сестрой и племянниками, а у Зои была только мать. Значит, два стула или два табурета; значит, вон тот чистенький стол у окна. Никогда больше Зоя за него не сядет. Растравив себя вконец, Казачинский вышел из кухни – и обнаружил, что в коридоре больше никого нет. Пока он отсутствовал, Яша привел второго понятого (первым, по неписаной традиции, был управдом), и сыщики занялись осмотром жилья жертвы. Чертыхнувшись, Юра подбежал к двери, с силой толкнул ее – и неожиданно оказался в сильно захламленной комнате, перегороженной ширмами, шкафами и набитой мебелью так, что невозможно было ступить и трех шагов, не споткнувшись о детскую кровать, об угол стола или койку. Ни сыщиков, ни управдома, ни дворника с Яшей тут не было, зато имелся расплывшийся усатый гражданин лет сорока с мешками под глазами, небритый, в штанах и грязной майке. Лицо мясистое, веки набрякшие, волосы всклокочены, как после сна, но вовсе не это обстоятельство озадачило Казачинского.

В руке незнакомец держал дамскую сумочку на ремешке, снабженную желтой защелкой.

Юра уставился на нее, пораженный до глубины души. Сумочка – чья? – зачем? – и почему она так похожа на ту, которая была с Зоей Ходоровской, когда ее...

Он наконец-то оторвал взгляд от сумочки и догадался посмотреть на лицо человека, который ее держал. Что-то бесконечно нелепое, растерянное, почти детское было в выражении незнакомца; он явно был захвачен врасплох и не знал, что делать и как себя вести. Облизнув губы, обладатель сумочки попытался выжать из себя что-то вроде подобострастной улыбки, которая, впрочем, получилась больше похожей на гримасу. Но едва Юра, опомнившись, сделал шаг назад, стоящий напротив проворно сунул свободную руку в какой-то ящик и достал оттуда тускло блеснувший маузер.

Дуло пистолета повернулось в сторону Казачинского, круглое, как чей-то недобрый зрачок, и он вдруг всем существом осознал, что на него смотрит его смерть и что – все, конец, финальная остановка, а между тем он столько в жизни не успел, ничего толком не добился, не...

– Убью... с-сука... твари... убью... – бормотал незнакомец, дергая ртом и все сильнее взвинчивая себя. И тут с Юрой произошло нечто дикое, нечто совершенно непонятное. Он словно приклеился к месту, заиндевел, впал в ступор. Он просто стоял, как последний болван, и таранился на пистолет, который ходил ходуном в пухлой, заросшей черными волосами руке с грязными ногтями. Какая-то часть Казачинского, которая еще была способна размышлять, подсказывала, что он ошибся дверью и попал в чужую комнату, что шум выстрела наверняка привлечет Опалина и остальных, которые находятся где-то поблизости, и что смерть, которая еще час назад казалась такой далекой, почти невыносимой, почти...

– Бросай оружие!

Бах! Что-то грохнуло, в ноздри ударил резкий запах пороха. «Я умираю», – успел обреченно подумать Юра, но в следующее мгновение увидел, что его противник повалился – рухнул грудой на какую-то детскую пищащую игрушку, которая издала протяжный жалобный звук, и ноги его стали как-то странно подергиваться. Петрович, опрокинув по пути стул, добрался до лежащего и выхватил у него из руки маузер. Обладатель пистолета не сопротивлялся – он, словно давясь, водил нижней челюстью, и ноги его по-прежнему дергались. Игрушка больше не пищала.

– Нападение на сотрудника угрозыска, нападающий ранен! Яша! Тащи сюда Шаповалова, а сам не входи! – рявкнул Петрович, пряча свое оружие и оборачиваясь к двери. И Казачинскому: – Цел?

– У него сумочка, – пробормотал Юра, едва осознавая, о чем его спрашивают. Петрович поглядел ему в лицо, выругался и заставил его сесть. Казачинский повинился. Он по-прежнему пребывал в каком-то тягостном, ни на что не похожем оцепенении и очнулся лишь тогда, когда услышал рядом с собой голос Опалина.

– Было же сказано: никуда не отходить. Петрович, ты что, не предупредил его?

– Предупредил.

– Так какого черта ты сюда сунулся? – сердито спросил Иван, обращаясь к Казачинскому.

– Я двери перепутал, – механически ответил тот. – Вошел, а он... сумочка у него... Хотел вас позвать, а он за револьвер...

– Пистолет, – поправил Петрович, насупившись.

– Я не разбираю...

– Ну и какого черта ты приперся тогда в угрозыск, раз элементарных вещей не знаешь? У пистолета – обойма, у револьвера – барабан! Полным идиотом надо быть, чтобы их перепутать...

Опалин взглядом призвал Логинова к порядку.

– Хорошо, я заметил, что ты куда-то делся, – сказал Иван Казачинскому, – и послал Петровича тебя найти. А если бы он запоздал хоть на пять секунд? Ты вообще соображаешь, что

творишь? Правила угрозыска, к твоему сведению, написаны кровью. Кровью наших товарищей, которые ими пренебрегали... Если тебе говорят – не заниматься самодеятельностью и никуда не отходить, – будь добр, исполняй в точности!

Юра молчал. С того места, где он находился, были видны ноги застреленного, и сейчас они уже не двигались.

– На парне лица нет, – буркнул Петрович, немного смягчившись. – Может, тебе принести что-нибудь выпить?

– Я не пью, – ответил Казачинский хрипло. – Кто он? – спросил Юра, кивая на ноги.

– Сергей Карасик, девяносто девятого года рождения, беспартийный, сторож фабрики «Марат», – ответил Опалин. – Часто работает в ночную смену. Женат, двое детей, а недавно ему как снег на голову свалилась сестра со своими тремя детьми.

– Я не знал, что он женат, – вырвалось у Юры. – Ему деньги были нужны? Поэтому он Зою убил?

– Да не в деньгах дело, а в жилплощади. После смерти матери Зоя осталась в комнате одна. Ты что, не понимаешь, что ли? Убийства из-за жилплощади – самые распространенные в Москве после бытовых. За комнату в коммуналке некоторые на что угодно пойдут... Освободилась бы комната, и Карасик бы наверняка ее получил. Пять детей – это не шутки...

Но тут вернулся Яша, который привел судмедэксперта, и Опалину пришлось прерваться.

Глава 5. Протокол

*Духи, продажная цена за десяток. «Дивная сирень», «Дивный ландыш» – 46 руб. «Кармен» – 77 руб. «Новая заря», «Сада-Якко» – 135 руб. 50 коп. «Красная Москва» – 300 руб.
«Прейскурант на парфюмерно-косметические изделия», 1935*

В мутноватом зеркале ванной комнаты отражалось бледное, напряженное лицо. Казачинский плескал в него воду, чтобы прийти в себя – не потому, что верил в действенность этого средства, а потому, что когда позже явился фотограф со своим громоздким штативом, в комнате Карасика стало слишком тесно, и Петрович выставил Юру, сказав ему:

– Ты это, под ногами не путайся пока. Пойди, умойся холодной водичкой, что ли... Приедет следователь – тебя позовут.

Скрипнула дверь, и Казачинский рефлексивно дернулся. Но это оказался всего лишь Яша. Он покосился на Юру, вздохнул, снял очки и стал их протирать платком, который вытащил из кармана.

– Двадцать шесть рублей и три гривенника, – сообщил Яша, подышав на стекла.

– Что? – Казачинский решил, что ослышался.

– В сумочке у нее с собой было.

– Ее не из-за денег убили. – Юра насупился.

– Конечно, но еще в сумочке был ключ от комнаты, и Карасик не устоял перед соблазном. Иван Григорьевич думает, что он обшарил жилье убитой и кое-что присвоил.

– Деньги?

– Ну, деньги доказать будет трудно – жена и сестра сторожа, конечно, покажут, что это ихнее. Зоя Ходоровская работала в «Жиркости», у нее в шкафчике дорогое мыло лежало, духи хорошие. И коробочка от «Красной Москвы» стоит, но пустая, а флакон почему-то в комнате Карасика нашелся. Ну и разные другие мелочи.

Духи «Красная Москва» стоили недешево – в ту эпоху они делались из лучших компонентов и славились великолепным ароматом, но Казачинскому, по правде говоря, было не до таких тонкостей.

– А сторож? – спросил он больным голосом.

– Что – сторож? – Яша водрузил очки обратно на нос и посмотрел на собеседника с удивлением.

– Он умер?

– Ну а куда ему деваться? Умер, конечно.

– А... – Казачинский собрался с мыслями, – а у Петровича не будет из-за этого неприятностей?

– Зависит от следователя, – ответил Яша серьезно, подумав.

– Я думал, следователи – мы, – пробормотал Казачинский и тотчас же об этом пожалел. Юный коллега вытарасился на него так, словно Юра сморозил величайшую глупость на свете.

– Ты что? Следователи работают в прокуратуре, а мы – уголовный розыск. Они в кабинетах сидят в основном, бумажки заполняют, но считают, что главное их нет никого не свете. Мы же занимаемся дознанием, и основная работа лежит именно на нас... Да ты смеешься, что ли, надо мной? – Яша начал сердиться. – Быть такого не может, чтобы ты пришел в угрозыск и не знал, чем здесь занимаются!

«Ничего я не знал, – вяло подумал Казачинский. – Просто мне надо было... Не важно. Главное, испугался я или нет, когда он наставил на меня пистолет? – Проанализировав свои

недавние ощущения, он мысленно подытожил: – Нет, не испугался. Но это пакостное ощущение... что смерть где-то совсем близко и что тебя от нее отделяет даже не волосок, а меньше...»

– Ты фуражку уронил, – сказал Яша.

Фуражка лежала на полу. Словно насмехаясь над мечтой Казачинского – стать своим в угрозыске, – в последние полчаса она то и дело падала. И в комнате Карасика в присутствии коллег, и позже, в коридоре, и в ванной. Поборов раздражение, Юра наклонился, поднял фуражку и стал ее отряхивать. Яша с удивлением смотрел, как его коллега несколько минут кряду приводит головной убор в порядок, машинально повторяя одни и те же нервные жесты и, по-видимому, не сознавая, что уже давно пора остановиться.

В коридоре затрещал телефон. Он надрывался некоторое время, но потом умолк. Надевать фуражку Казачинский не стал. Сам себе он неожиданно стал казаться нелепым, совершенно неподходящим для работы, на которой оказался, и в конечном итоге – абсолютно ненужным.

– Ничего, вот поучимся у Леопольда стрелять, и Опалин даст нам оружие, – сказал Яша, чтобы его подбодрить.

– Кто такой Леопольд? – тускло спросил Юра.

Яша оживился и рассказал, что Леопольд Сигизмундович – поляк, старый знакомый Дзержинского еще по каторге. Чекиста из него не получилось, и в конце концов он определился на работу в ведомственный тир. Но дело с Леопольдом иметь трудно, и с новичков он дерет три шкуры.

– Ты давно знаешь Опалина? – спросил Яша.

Выслушав ответ, что Казачинский только сегодня его увидел, Яша оживился и одним махом выложил собеседнику всю подноготную их начальника.

– Я даже не знаю, учился он хотя бы четыре класса... Он и в угрозыск-то попал случайно! Знаешь, я слышал, что с таким же успехом он мог и среди бандитов оказаться... Конечно, это только слухи, и кто поручится, что все так и было, но – тогда угрозыску пришлось бы несладко...

– Я, наверное, все испортил, – пробормотал Казачинский, думая о своем.

– Что испортил? Ничего ты не испортил. Никто не имеет права угрожать сотруднику угрозыска. Есть оружие, сделают баллистическую экспертизу. Если окажется, что из него же застрелили Зину Ходоровскую, – тогда вообще говорить не о чем, дело закроют, и все.

– Ее Зоей звали, – напомнил Юра, насупившись.

– Зоя, Зина – да какая разница? – Яша всмотрелся в лицо собеседника. – Ты из-за нее расстроился, что ли? Но это же непрофессионально. Нельзя переживать, иначе с ума сойдешь. Да, симпатичная девушка была, жить, как говорится, и жить, но что ж теперь поделаешь, если так получилось?

Он был совершенно прав – но именно эта правота отчего-то глубоко возмущала Казачинского. До сегодняшнего дня он жил, не забывая голову извечными вопросами бытия, и переход от беспечного и бездумного существования к осознанию, что смерть, оказывается, всегда находится где-то поблизости, получился слишком резким. Она может стоять за дверью, которую ты случайно открыл, а может принять облик соседа, польстившегося на твои квадратные метры. «Просто улучил момент, взял и застрелил... И сумочку стибрить не забыл. А ведь Зоя общалась с его сестрой, управдом сказал, что они, может быть, дружили...»

– Тук-тук!

В ванную комнату заглянул Шаповалов. Судмедэксперт находился в благодушном настроении, глаза его за стеклами очков блестели, и Казачинский невольно подумал, что врач таки успел тяпнуть пивка на пару с Харулиным.

– Никому не нужно вскрытие вне очереди? – весело спросил Шаповалов. – Юра, да ты и впрямь трюкач! Опалин только разбирался, что случилось, а ты уже убийцу ему на блюдечке поднес...

– Очень смешно, – насупился Казачинский.

– При чем тут смех, я серьезно! Надо же тебе было вломиться к Карасику именно тогда, когда он перепрятывал сумочку убитой или пытался от нее избавиться... Не зря же говорят, что новичкам везет!

– Какое везение, – вспыхнул Юра, – он убить меня хотел!

– Вот именно! Хотел, да не убил! Кругом тебе повезло, считай. Сейчас Соколов приедет, бумаги заполнит, и все – дело с плеч долой.

– Соколов – это следователь? – быстро спросил Яша. – Который дружит с Опалиным?

– Как много ты знаешь, Яша, – сказал судмедэксперт после паузы. – Скажем так: из всех народных следователей Соколов для нас сейчас – самый лучший вариант, потому что он на нашей стороне. А то, знаешь ли, бывают и такие, которые за применение оружия не при задержании закопать готовы.

Но когда Соколов наконец явился, Казачинский испытал живейшее разочарование. Следователь оказался самым обыкновенным малым с простоватым лицом, которое при желании можно было счесть даже глупым, но неприятно поразило Юру даже не это, а то, что представитель прокуратуры выглядел как человек, который только недавно вышел из длительного запоя. Он, очевидно, прилагал колоссальные усилия для того, чтобы держаться в рамках приличий, но красные глаза, дрожанье рук и речь выдавали его. От Юры не укрылось, что Опалин, заметив состояние своего приятеля, неодобрительно нахмурился, но остальные сотрудники как один сделали вид, что все в порядке. Впрочем, когда дошло до дела, Соколов действительно сумел сосредоточиться и, устроившись за столом в комнате Карасика, петляющим, напряженным почерком стал заполнять многочисленные документы. В дверь поминутно кто-то совался, в коридоре сипло и противно трезвонил телефон, управдом приводил то одного, то другого свидетеля, которых требовали обстоятельства. Составили протокол осмотра места происшествия, сумочку Зои официально опознали и приобщили к уликам, управдом, Опалин и Петрович дали свои показания, и Соколов достал из портфеля новый бланк.

– Так, кто теперь... – Он страдальчески наморщил лоб.

– Юрий Казачинский, – подсказал Опалин. Он сидел за одним столом со следователем и то ли заполнял, то ли делал вид, что заполняет какую-то бумагу, а на самом деле контролировал и, если надо, аккуратно направлял действия своего приятеля.

– Он на испытательном сроке у вас? – спросил Соколов.

– С сегодняшнего дня.

– Ну-ну, – пробормотал следователь, почесывая голову. Но его отвлекли люди, которые прибыли забирать тело. В заставленной мебелью комнате им пришлось несладко – даже носилки удалось развернуть не с первого раза. Наконец труп Карасика унесли, и Казачинского поразило, что на полу даже не осталось крови, словно все происшедшее ему приснилось, словно сторожа фабрики «Марат» вообще никогда не было на свете. Поглядев на следователя, Юра увидел, как Соколов, сопя, жирной чертой вычеркивает слово «потерпевшего» в заголовке бланка, который гласил: «Протокол допроса свидетеля/потерпевшего». Дальше следовало вписать дату, и следователь страдальчески скривился, припоминая.

– 1935-го года июля месяца 12-го дня, – вполголоса подсказал Опалин, от которого, похоже, ничто не ускользало.

– Фамилия, имя, отчество, возраст, – скороговоркой пробубнил Соколов, бросив на Казачинского равнодушный взгляд. – Статью 95-ю УК знаете? Об ответственности за ложные показания?

Юра впервые слышал о существовании такой статьи, но тем не менее сказал, что знает, чтобы не грузить знакомого Опалина лишними подробностями. В последующие несколько минут Казачинскому пришлось ответить на стандартные вопросы о происхождении, местожительстве, профессии, месте службы, образовании, партийности, прежней судимости – если таковая имеется – и отношении к участвующим в деле лицам, причем под происхождением, как оказалось, подразумевалось место рождения. Затем Соколов стал задавать вопросы по существу, и некоторые из них ставили Казачинского в тупик. Следователь словно задался целью выпытать мельчайшие подробности того, каким образом Юра оказался в комнате сторожа, в то время как само убийство, похоже, его не слишком интересовало.

– Зачем вы ушли от товарищей? – спросил Соколов.

– В смысле?

– Что побудило вас идти на кухню? Вот чего я понять не могу. – Следователь залез в один карман, в другой, наконец нашел пачку папирос, и Опалин зажег спичку.

– Я просто отошел, – пробормотал Юра. Он и сам едва помнил теперь, почему его потянуло на кухню. Кажется, его в какой-то момент стало раздражать общество коллег, но даже если так, нельзя же упоминать об этом при Опалине.

– И что, мне так и написать в протоколе? – весьма иронически осведомился Соколов, пуская дым.

– А какое это имеет значение? – Казачинский по-прежнему ничего не понимал.

– Большое, потому что вы отходите, потом возвращаетесь, заходите не в ту комнату – а там сторож с сумочкой жертвы. – Следователь постучал по бланку протокола согнутым пальцем. – Вы знаете, что покойный Карасик был кандидатом в партию?

– Я знаю, что он убил человека, – огрызнулся Юра, в котором разыгрался дух противоречия.

– А это мы еще должны установить, – ласково ответил Соколов.

И тут Казачинский растерялся.

– Как это? Но ведь сумочка Зои... и он угрожал мне...

– Подобрал сумочку в переулке, когда девушка была уже мертва, – ответил следователь, желчно щурясь. – И то, что он угрожал вам, не обязательно значит, что именно он ее убил. Может, он угрожал вам, потому что испугался, что вы приняли его за убийцу. Вот когда выяснится, что девушку застрелили из оружия Карасика – тогда да, все вопросы снимаются.

– Вы что, смеетесь надо мной? – не выдержал Юра. – Он ее убил, он! Если бы вы видели, какое у него было лицо, когда он понял, что я узнал ее сумочку...

– Милый юноша, – с бесконечным презрением ответил Соколов, хотя сам был ненамного старше собеседника, – вы, простите, несете редкостную чушь. Выражение лица к делу не подошьешь и суду не предъявишь, ясно? Нужны доказательства. Железные. Неопровержимые! Факты нужны, подтвержденные свидетелями. К примеру, факт первый – Карасик ходил к управдому узнавать насчет улучшения жилищных условий и выяснил, что свободных комнат нет, но если вдруг появятся – он первый кандидат в очереди. – Следователь начал загибать пальцы. – Факт второй – у Зои недавно умерла мать, и девушка осталась в комнате одна. Факт третий – Зоя могла выйти замуж и прописать у себя мужа, так что тому, кто хотел завладеть ее жилплощадью, надо было торопиться. Факт четвертый – Карасик был ее соседом, знал, когда она выходит из дому, и легко мог проследить, каким именно путем она идет. И так далее. Факты подтверждаются уликами – сумочка, револьвер, вещи девушки, найденные в комнате сторожа. Все должно быть логично и доказуемо, а то вдруг товарищи, которые выдвигали Карасика в члены партии, начнут строчить кляузы и требовать наши головы...

Он поперхнулся дымом и бурно закашлялся.

– У нас уязвимое место, – продолжал Соколов после того, как откашлялся. Он говорил, понизив голос, хотя они и так находились в комнате втроем и никого больше поблизости не было. – То, что ты вдруг отошел, а потом вернулся и вломился в чужую закрытую комнату.

– Я не вламывался, я... – Юра даже не заметил, что его собеседник перешел на «ты». – Почему в закрытую? – удивился он вслух.

– Потому что я видел замок, – ответил следователь с торжеством. – Он, конечно, дрянь и потому поддался, когда ты сильно толкнул дверь.

Юра сидел, открыв рот, и чувствовал себя последним дураком. Он только сейчас осознал, что дверь, которую он перепутал с дверью комнаты Зои, была и в самом деле закрыта. Но тогда, в коридоре, он был так расстроен и унижен мыслью, что о нем забыли, что его фактически бросили, что...

– Я, конечно, напишу, что Карасик не запер дверь, чтобы вам не приписали незаконное проникновение, – спокойно добавил Соколов, докуривая папиросу. – Но неплохо бы все-таки обосновать, для чего ты ходил в кухню. Может, услышал подозрительный шум и решил проверить?

– Что за шум? – мрачно спросил Казачинский.

– Не знаю, тебе виднее. Ну, к примеру, птицы галдели под окном.

– А почему другие этот шум не слышали? – поинтересовался Опалин.

– Ну так он новичок. Ему вообще показалось.

И следователь очень внимательно посмотрел на Казачинского, причем в эти мгновения Соколов уже не производил впечатления пьяницы, который только что вышел из запоя. Даже его простоватое лицо стало казаться Юре вовсе не таким простым.

– Все так и было, – решил Казачинский.

– Услышал шум, отошел проверить, понял, что ошибся?

– Да. Именно так.

– Потом вернулся, перепутал двери и...

– Я действительно их перепутал, – вырвалось у Юры, которому не понравилась интонация Соколова.

– Не горячись, – добродушно ответил тот, заполняя протокол. Почерк его на глазах становился все ровнее и ровнее. – Теперь внимание, самый важный вопрос. – Казачинский напрягся, а следователь с хитрым видом спросил: – Почему у тебя петлицы зеленые?

– Потому что не синие, – выпалил Юра первое, что пришло в голову. Соколов переглянулся с Опалиным, и оба засмеялись.

– Наш человек, – подытожил следователь. Он протянул Казачинскому заполненный бланк и ручку. – Прочитай и подпиши после слов «Показание записано верно».

Юра криво расписался. Ему не давал покоя один вопрос, и, поколебавшись, он все же решил его задать.

– Послушайте, я... ну... Я совершенно уверен, что сторож убил Зою, но вы тут так убедительно рассуждали... Что, может быть, это и не он... Что он мог просто найти ее сумочку и испугался, когда я вломился...

– И по чистой случайности у него при себе оказался маузер, из которого недавно стреляли, – хмыкнул Соколов. – Брось, Юра. Я просто пытался тебе объяснить, что то, что кажется нам очевидным, другим надо разжевывать по пунктам, с подробностями. Чтобы никакой комар носу подточить не мог...

– А! – Казачинский с облегчением выдохнул. – Просто... ну... понимаете, если он убийца и получил по заслугам, то это... ну... только справедливо... А если не он ее убил, тогда нет.

– Уверен, Ваня с тобой согласится, – усмехнулся следователь. – Он тоже считает, что убийца должен быть там же, где и его жертвы... И вообще этот Карасик сваял большого дурака. Надо было ему первым делом избавиться от оружия, а про сумочку твердить, что он ее нашел, да испугался звать милицию. И тогда, если бы он не раскололся и если бы Ваня не нашел свидетелей, которые видели, как он убивал девушку, – а таких свидетелей, судя по всему, нет, – мы могли бы ему предъявить только кражу.

– А кража – это... – начал ошеломленный Юра.

– Статья 162-я. Три месяца максимум, – подал голос Опалин. – Да и то, принимая во внимание его прошлое и отсутствие судимостей, суд бы почти наверняка проявил снисходительность...

– И часто такое бывает? – спросил Казачинский после паузы.

– Случается, – коротко ответил Опалин, и шрам на его виске дернулся.

– Всякое бывает, – со вздохом подытожил Соколов и полез в карман за новой папиросой. – Но не в этом деле. Сторож полез на рожон, стал тебе угрожать, и Петрович его застрелил. Теперь у гражданина Карасика не будет никаких проблем с жилплощадью – на кладбище хватит места для всех. – И, довольный своей собственной шуткой, следователь весело рассмеялся.

Глава 6. Дом номер 38

*Барышня занятая – пишущая машинка.
«Словарь жаргона преступников», 1927*

Как только группа муровцев вернулась на Петровку, выяснилось, что у новичка до сих пор нет своего места. Сам Казачинский, конечно, предпочел бы сидеть в кабинете Опалина, но там помещались всего два стола, и оба уже были заняты Иваном и Петровичем. Яша сходил на разведку и, вернувшись, доложил, что – как обычно – свободных мест нет, но в кабинете, в котором сидит он сам, временно пустует один стол – сотрудник с приступом язвы загремел в больницу. Так Юра оказался в довольно большом, но неудобном помещении с видом на внутреннюю тюрьму и портретом Сталина на стене. Помимо Яши в кабинете сидели еще двое сотрудников, и появление Казачинского, который к тому же занял чужой стол, они восприняли без всякого энтузиазма.

– Трюкач, мать твою за ноги, – проворчал один из новоявленных коллег. – Только клоунов нам тут не хватало...

Юра видел, что его окружают жесткие, битые жизнью люди, которые чего только не насмотрелись за время своей работы, и его угнетало, что он ничего не мог противопоставить их опыту. На его столе высилась черная пишущая машинка с раздолбанными клавишами, и хотя это был всего лишь неодушевленный предмет, вещь, Юре казалось, что даже она настроена по отношению к нему скептически.

– Ты печатать умеешь? – спросил Яша. – Нет? Ну тогда отодвинь машинку. Она же тебе мешать будет...

– Не трожь машинку, она не твоя, – тотчас неприязненно подал голос кто-то из сидящих в кабинете. И Юра увял. Впрочем, он отчасти отыгрался, положив на машинку свою фуражку.

К счастью, Яша немного отвлек его своей болтовней. Юный сотрудник угрозыска был чрезвычайно словоохотлив. Он перепрыгивал с предмета на предмет, но при всем при том не производил впечатления легковесности, и Юра поймал себя на мысли, что слушает его с удовольствием. О чем бы Яша ни говорил – будь то работа, международная политика, пьесы, которые он видел, или книги, которые прочитал, – чувствовалось, что все это ему по-настоящему интересно, и именно поэтому он испытывает потребность делиться своими мыслями.

– Ты часто бываешь в ТИМе? Ну, в театре имени Мейерхольда? Как тебе «Дама с камелиями»? Я четыре раза ходил. МХАТ – ну что МХАТ? Пыльный академический театр, управляют твердолобые старики. Актеры, правда, у них прекрасные. Я был в филиале на «Пиквикском клубе» – очень запомнился судья, не знаю, кто это был. В «Сатире» случаются хорошие спектакли. Правда, Шкваркин³ сдал – раньше у него пьесы были смешнее... Ты на парад физкультурников ходил? Я ходил. – Парад, который имел в виду Яша, состоялся 30 июня и собрал большое количество зрителей. – Видел на мавзолее Сталина, Горького и Ромена Роллана. Ты знаешь, что жена Роллана – русская? И даже вдова белого офицера, так, по крайней мере, говорят. Парад был грандиозный, но мне больше всего понравилось, когда полетели самолеты, выстроившись в слово «Сталин». Очень впечатляюще вышло, хотя некоторые в толпе ворчали, что самолеты не совсем ровно идут. Но это с земли говорить легко, а посмотрел бы я на них в небе...

– Я тоже был в тот день на Красной площади, – признался Юра. – По-моему, нормально самолеты летели...

---

³ Василий Шкваркин (1894–1967) – король комедии сталинской эпохи. В 30-е годы пьесы стали «менее смешными» из-за общего ужесточения цензурных требований со стороны Главреперткома.

От парада Яша свернул на тему литературы, упомянул «Петра Первого» Алексея Толстого и спросил, не собирается ли Казачинский участвовать в съемках фильма по роману.

– Я слышал, намечается что-то грандиозное, – добавил Яша. – Это правда?

– Ну я тоже слышал, – протянул Юра, – но экранизацией занимается «Ленфильм», а я к ним отношения не имею.

– А что, московские и ленинградские кинофабрики в контрах? – с любопытством спросил его собеседник.

За то сравнительно недолгое время, что Казачинский проработал в кино, он усвоил, что там все в контрах и грызутся друг с другом, но ему не хотелось развивать эту тему, тем более что он видел, что сидящие в кабинете сотрудники угрозыска прислушиваются к тому, о чем беседуют новички.

– Нет, просто там разные люди работают, – уклончиво ответил Юра.

Однако Яша надолго оседлал тему кино и, не обращая внимания на иронические взгляды коллег, выложил собеседнику все, что думал о современном кинематографе, включая Эйзенштейна, Козинцева и актрису Орлову⁴.

– А лет через 50 все фильмы будут не только звуковые, но и цветные, – добавил Яша с увлечением. – И газеты будут выходить с цветной печатью, а не как сейчас. Кстати, ты не читаешь «Литературную газету»? Ты тоже думаешь о ремаркизме, что он вреден?

От сестры Лизы, которая любила книги, Юра слышал, что есть такой писатель Ремарк и он немец, но романов его не читал и уж тем более не знал, что существует такое, по-видимому, вредное явление, как ремаркизм. Поняв, что собеседник совершенно не в курсе, Яша оживился и прочел ему целую лекцию, чем окончательно запутал Казачинского.

От углубления в дебри современной европейской литературы Юру спас Опалин, который заглянул в кабинет незадолго до обеда. Иван поинтересовался у коллег, не съели ли его новичков, отпустил еще пару шуток и немного разрядил атмосферу.

– Яша, – спросил он у Кауфмана, – книжки все еще у тебя? Вот что: дай-ка ты Юре для начала УК⁵, УПК⁶, «Криминалистику»... что еще? А, ну да, словарь тоже.

– Может, «Юрминимум» или Громова добавить? – с надеждой предложил Яша, роясь в залежах томов на своем столе.

– Не. – Опалин мотнул головой. – Пусть сначала вызубрит УК и учебник прочитает. Да, и словарь тоже учить – наизусть.

– Что за словарь? – робко поинтересовался Юра, когда Опалин скрылся за дверью, а Яша плюхнул ему на стол стопку зачитанных до дыр книжек.

– Уголовный жаргон, – коротко ответил Яша.

Смирившись, Казачинский открыл словарь и увидел на титульном листе надпись: «Народный комиссариат внутренних дел. Не подлежит оглашению». Полистав несколько страниц, Юра выяснил, что балалайкой у преступников зовется револьвер, бакланом – неопытный человек (как аккуратно выразился составитель словаря), граммофоном – собака, а гостиницей – тюрьма, после чего ему как-то расхотелось читать дальше. Закрыв словарь жаргона, он взялся за Уголовный кодекс и, наугад раскрыв его, уперся взглядом в 101-ю статью, которая гласила, что «приготовление с целью сбыта вин, водок и вообще спиртных напитков и спиртосодержащих веществ без надлежащего разрешения или свыше установленной законом крепости, а равно самый сбыт или незаконное хранение с целью сбыта таких напитков или веществ»

---

⁴ Сергей Эйзенштейн (1898–1948) – режиссер, создатель главных пропагандистских фильмов сталинской эпохи. Григорий Козинцев (1905–1973) – режиссер. Любовь Орлова (1902–1975) – кинозвезда сталинской эпохи.

⁵ Уголовный кодекс.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс.

влечет за собой последствия в виде лишения свободы на срок до одного года с конфискацией части имущества или без таковой.

Тут, как назло, Юра вспомнил некоторых своих знакомых, которые прямо-таки напрашивались на лишение свободы с конфискацией части имущества (или без таковой), и стал нервно чесать шею. Швы слишком узко пошитой рубахи жали под мышками, пот градом катился по груди. Потом в кабинете появилась дама в светлой шляпке и кремовом платье – не гражданка, прошу заметить, а именно дама и вдобавок ко всему – натуральная блондинка. С горя Казачинский чуть не влюбился в нее, но увидел маленькие злобные хоринные глазки и тотчас передумал. Одной рукой придерживая дорожную сумочку, а в наманикюренных пальцах другой сжимая листок пропуска для посетителей, дама осведомилась, кто из присутствующих Буковшин.

– Это я вас вызывал, – ответил мрачный человек с обритой наголо головой, смерив вновь прибывшую быстрым взглядом. – Садитесь, Клара Ивановна.

Дама села возле его стола, достала платочек и попыталась сделать плаксивое лицо, отчего ее глаза стали еще более злыми. Из последовавших вслед за этим вопросов бритоголового Буковшина Казачинский уяснил, что дама устроила в своей квартире нечто вроде дома свиданий. Однако Клара Ивановна яростно протестовала против обвинений: да, она разрешала некоторым знакомым пользоваться квартирой, когда сама куда-то уходила, но не сводила их с девушками и денег не брала, а если кто-то утверждает обратное, то он лжет, лжет, лжет...

– А не сходить ли нам пообедать? – спросил Яша у Казачинского. – Тут в здании есть столовая для сотрудников...

Юра, который один на один сражался с учебником криминалистики и только что узнал, что при расследовании убийства труп является «центральным вещественным объектом», возражать не стал. Обед, хоть и вполне ординарный, показался ему необычайно вкусным и отчасти примирил его с новой профессией, вхождение в которую никак ему не давалось. Возвращаясь из столовой, новоиспеченные сыщики возле дверей кабинета столкнулись с Петровичем.

– Где шляемся? – спросил тот без всяких околичностей.

– Карп Петрович, мы на обеде были, – ответил Яша с достоинством, поправляя очки.

– Дуй в архив и подними там все данные о семье гражданина Тагильцева Александра Ильича, – распорядился Петрович, – год рождения 1881-й, убит неизвестным или неизвестными в мае на Ухтомской улице. А ты, Юра, иди-ка в НТО и попроси у Виноградова заключение по Грацианскому.

– Куда я должен идти? – нервно переспросил Казачинский.

– В НТО! – Петрович сверкнул глазами. – Научно-технический отдел! Там эксперты сидят... В цокольном этаже!

– Хорошо. Тут это... словом... Карп Петрович, я до сих пор не выразил вам мою благодарность за то, что вы меня спасли... Понимаете, я...

– Еще раз назовешь меня Карпом – башку оторву, – свирепо оборвал его Петрович и удалился стремительным шагом, оставив Казачинского стоять с открытым ртом.

– Он не любит свое имя, – объяснил Яша, пряча улыбку. – Потому, собственно, его и зовут Петровичем...

– А-а, – протянул Юра, начиная понимать. – Слушай, но если ему не нравится имя, чего ж он его не сменит?

– Ну, наверное, потому что тогда ему не на что будет жаловаться, – загадочно ответил Яша. – Ладно, я в архив, а ты вот по этой лесенке спустись до самого низу и там спроси, где Виноградов сидит. На дверях все равно ни черта не написано.

Юра последовал указаниям своего товарища и оказался в темноватом коридоре, где преобладали иные запахи, чем наверху. Там пахло дымом крепких папирос, человеческим потом, возле столовой – свежеспеченным хлебом и жареным мясом; здесь же в спертом воздухе ощущались какие-то больничные нотки, которые смутно беспокоили Казачинского. У попавшегося

навстречу коротышки с перевязанной рукой Юра спросил, где можно найти Виноградова, и, выслушав ответ, толкнул ближайшую дверь. За нею обнаружилось помещение с крошечным окном, почти не пропускающим свет, зато электричество здесь горело так ярко, что Казачинский от неожиданности даже зажмурился. За солидным столом буржуйского вида, которым до революции явно пользовался какой-то крупный чин, стоял узкоплечий блондин в докторском халате и изучал что-то под микроскопом, меняя резкость и рассеянно насвистывая себе под нос. Сбоку у него не хватало части зуба.

– Вы Виноградов? – спросил Юра, подходя ближе. – Меня к вам Карп... то есть Петрович послал. Ему, то есть Ивану Георг... тьфу, Григорьевичу, нужно заключение...

Тут память позорным образом забуксовала и вместо фамилии гражданина, о котором требовалось заключение, показала живописную фигу. Казачинский позеленел. Блондин в докторском халате поднял голову, и Юра увидел острое умное лицо, изборожденное преждевременными морщинами. Если бы не они, обладателю лица можно было дать лет 30, а так он тянул на все 45. В серых глазах мелькнули иронические огоньки.

– По Грацианскому, как пить дать, – сказал блондин приятным баритоном.

– Да-да, по Грацианскому! – обрадованно вскричал Юра. Наученный горьким опытом, он быстро прибавил: – Не обращайтесь внимания на петлицы, меня на складе надули.

– Сволочи они там, – вздохнул Виноградов и достал папиросы. – Будешь?

Казачинский хотел было отказаться, но тут ему бросилось в глаза, что в одной из банок, которые стояли на столе, частично прикрытые чем-то вроде салфетки, бултыхаются чьи-то мозги. Он отвел глаза и поспешно объявил, что не курит.

– А ты, значит, Юра? – спросил Виноградов, шурясь на собеседника сквозь дым. – Который раньше в кино работал? Меня Аркадием зовут.

– Да я не то чтобы много там работал... – промямлил Казачинский, удивленный той стремительностью, с которой о нем стало известно работающим на Петровке людям. – Слушай, а что обо мне говорят? – выпалил он.

– Кто говорит?

– Ну вообще. Все.

– Да ничего особенного, – пожал плечами Виноградов. – Опалину в группу было нужно пополнение, он его и получил. Ты первый день сегодня?

– Ага.

– Ничего, все наладится.

– Думаешь?

– Конечно. Все когда-то начинали. А насчет Грацианского, – эксперт усмехнулся, – можешь передать Ване, что он оказался прав. Сулема.

– Это что? – на всякий случай спросил Казачинский.

– Ну, яд такой. Отравили его, короче.

– Кто?

– Да жена с любовником. Обычное дело. Знаешь, смешно: они же его кремировали, а дело возбудили уже после кремации, когда мать Грацианского подала заявление.

– И как же ты узнал, что его отравили? – спросил Казачинский с внезапно пробудившимся любопытством.

– Ну, я-то узнал, – хмыкнул Виноградов, и по блеску его глаз Юра понял, что его собеседник гордится собой и, вероятно, имеет на это право. – Понимаешь, при отравлении сулемой человека обычно выворачивает наизнанку. Грацианского вырвало на матрас, потом они матрас почистили, но кое-какие следы рвоты все же остались. По ним я и установил, что его отравили.

Юра не знал, что на это можно сказать, и только почтительно тарачился на доктора. Криминалистика, которая только недавно представлялась Казачинскому непроходимыми дебрями рассуждений о трупах – вещественных объектах, внезапно обрела смысл и назначение. Убийца

оставляет следы; убийца совершает ошибки, и потому его возможно вычислить – и покарать. Что бы ни твердили голоса дикторов из репродукторов, газетные передовицы и излучающие дубовый оптимизм партийные выдвигенцы, Юра всегда остро ощущал, что жизнь несправедлива, беспощадна и бессмысленна. И вдруг оказалось, что справедливость существует и что смысл именно в этом – возвращать все на свои места. Жертва не должна остаться неотомщенной, убийца не должен уйти безнаказанным. И внезапно он осознал, что больше всего поразило его в этой истории.

– Слушай, – начал Казачинский нерешительно, – ты говоришь, сулема, следы, то, се... Но ты так выразился, словно Опалин все знал еще до того, как ты... ну... установил, что это именно она...

– Конечно, он все знал, – подтвердил Виноградов спокойно, – в смысле, догадался, потому что один из убийц имел доступ к сулеме. Жена Грацианского работала в лаборатории, а сулеме используют, чтобы консервировать ткани...

– Ух ты, – пробормотал Юра. – То есть Опалин... он... ну, в своем деле мастер? Извини, если я глупо выразился, я тут только первый день...

– Он один из лучших в этом здании, – усмехнулся Виноградов. – Может, и лучший. Так что можешь считать, что тебе повезло.

Он залез в ящик стола и достал оттуда лист, исписанный типично врачебным иероглифическим почерком.

– Вот заключение по Грацианскому, так что Опалин может закрывать дело. – Висящий на стене телефон, который Казачинский ранее не заметил, заверещал как резаный. От неожиданности Юра дернулся и едва не снес со стола одну из банок. – А вот этого не надо. Мне еще с этим желудком работать и работать...

– Ты еще скажи – жить и жить, – проворчал Юра, поправляя злосчастную банку. Виноградов усмехнулся, подошел к аппарату и снял трубку.

– Аркадий Виноградов слушает... Да, он здесь. Хорошо. Понял...

Повесив трубку, он повернулся к Казачинскому.

– Опалин тебя требует, срочно... Поспеши, он не любит ждать.

И прежде, чем за Юрой закрылась дверь, Виноградов вернулся к столу и углубился в изучение таинственного среза под микроскопом. Лицо его поражало сосредоточенностью, брови хмурились, но тем не менее он мурлыкал себе под нос какую-то мелодию. Прислушавшись, Казачинский сообразил, что это популярная песенка «Моя лилипуточка» из недавнего фильма «Новый Гулливер».

Глава 7. Маки

*Аттракционы (работают с 15 до 23 часов): «парашютная вышка» – Автоаллея, полет 1 руб., «воздушная дорога» – Аллея пионеров, Мальй пруд, плата 40 коп., «параболоид чудес» – Автоаллея, плата 50 коп.
«Вся Москва», 1936*

– У нас новый вызов, – сказал Опалин. Заключение по Грацианскому он даже не стал читать, а сразу же бросил его в верхний ящик стола, который запер на ключ. – Парк Горького.

От Казачинского не укрылось, что Логинов озадаченно нахмурился.

– За парк отвечает 4-е отделение милиции, – напомнил Петрович. – Что там стряслось – очередной пьяница залез на вышку и сиганул оттуда без парашюта?

35-метровая парашютная вышка, выстроенная в виде сужающейся спирали, считалась одним из главных украшений парка. В архитектурном смысле она выглядела чрезвычайно эффектно и привлекала множество посетителей, но время от времени становилась причиной происшествий вроде того, которое только что описал Логинов.

– Вышка тут ни при чем, зверски убита женщина, – буркнул Опалин. – Яша где?

– Я его в архив отослал.

– Очень хорошо, пусть там и остается. Едем! – скомандовал Опалин, поворачиваясь к двери, но она распахнулась прежде, чем он до нее дошел. На пороге стоял Яша, держа в руке блокнот.

– Я переписал всех членов семьи Тагильцева, как вы просили... Куда это вы?

– В парк Горького, – ответил Петрович. – Ты остаешься на телефоне.

– Для связи есть дежурный! – оскорбился Яша, поправляя очки. – Иван Григорьевич, я как полноправный сотрудник уголовного розыска...

– Нет, – отрубил Опалин. – Ты – остаешься.

После таких слов у Казачинского пропала бы всякая охота спорить, но Яша рассердился не на шутку. Он стал сыпать словами, возмущаться, что его не уважают, и в конце концов прозрачно намекнул на то, что пожалуется куда-то наверх, какому-то Твердовскому, что его зажимают и не дают ему возможности проявить себя.

– Ну хорошо, – сказал Опалин, которому, видно, прискучил этот бесцельный спор, – можешь ехать с нами, но предупреждаю: свалишься в обморок – Володя с тобой возиться не станет, и никто из нас не станет. Ясно?

– Ясно, – с готовностью подтвердил Яша. – Может быть, вас это уже не интересует, но я навел справки о Тагильцеве. У него две дочери, одна живет в Ленинграде, другая – здесь. Замужем за гражданином Шарковым, работает в акционерном обществе «Тепло и сила» в Милютинском переулке. Дочь, которая в Ленинграде...

– А Шарков где работает? – прервал его Опалин.

– Шарков... – Яша достал блокнот, заглянул в него, – в конторе по перевозке мебели.

– Только не говори мне, что у Махлина, – неожиданно вырвалось у Ивана. Яша поглядел на него с удивлением.

– Точно, у Махлина. А...

– Сразу надо было Шаркова колотить, – заворчал Опалин, оборачиваясь к Петровичу, – умники! От кого к нам дело Тагильцева попало, помнишь?

– От Румянцева. Ваня, он же алиби Шаркова проверил первым делом. Я материалы читал...

– Алиби, алиби, – передразнил Петровича Опалин, который, очевидно, находился не в духе, – да у Махлина отборная сволочь работает, половина с уголовным прошлым. Договорился Шарков с кем надо и избавился от тестя...

– А дочь? Думаешь, она в курсе?

– Откуда мне знать? Сначала я на нее посмотреть должен, понять, что она за человек... Тагильцева убили в мае, два месяца прошло. Возиться теперь...

Во дворе они сели в ту же машину, что и утром, и опять за рулем оказался уже знакомый Казачинскому Харулин, но теперь на сиденьях разместилось шесть человек – Опалин, Петрович, оба новичка, судмедэксперт и фотограф – и было еще теснее, чем в прошлый раз.

У главного входа в парк, который в то время располагался со стороны Крымского Вала, их ждал нервничающий молодой милиционер.

– Куда ехать-то? – спросил Харулин.

– Я покажу, – ответил милиционер и, став на подножку, принялся давать объяснения. Провожаемая удивленными взглядами посетителей машина с гулом катила по парку, мимо пролетали аттракционы, деревья, цветочные клумбы, статуи, скамейки, киоски и кафетерии. «Как же хорошо жить», – внезапно мелькнуло в голове у Казачинского. Солнце ласкало его лицо, белый купол парашюта парил рядом с вышкой – кто-то только что прыгнул оттуда. На спортивной площадке увлеченно играли в волейбол, стайка пионеров в красных галстуках шла по дорожке следом за вожатым. Все это жизнь, а между тем где-то рядом притаилась смерть – ведь вовсе не ради статуй, новых фонтанов и прогулок по Ландышевой аллее они прибыли сюда...

– Дальше пешком, – сказал милиционер через несколько минут, когда они миновали Зеленый театр и углубились в Нескучный сад. Машина остановилась, сопровождающий соскочил с подножки. Казачинский огляделся. Они находились в уголке парка, которому больше всего подошел бы полузабытый эпитет «идиллический». Впрочем, идиллия, похоже, сломалась – впереди, у кустов, маячили две фигуры милиционеров.

– Сюда, – сказал молодой милиционер, который сопровождал группу муровцев от входа. – Она здесь.

– Кто нашел тело? – спросил Опалин.

– Я. – Собеседник тяжело вздохнул. Вид у него был виноватый, и мысленно Казачинский приготовился к худшему.

...Она лежала за кустами, среди раскидистых лопухов, которые вымахали выше колена, и первое, что разглядел Юра, было светлое платье с рисунком в виде красных цветов, отдаленно напоминающих маки. Ткань заляпана бурыми пятнами крови, вместо лица – какое-то месиво, а руки...

Яша как-то сдавленно охнул, покачнулся и осел в лопухи. Судмедэксперт оглянулся на него и укоризненно покачал головой.

– Ваня!

– Нашатырь, – бросил Опалин, даже не поворачивая головы. – Потом. Сейчас мне надо знать точное время смерти. – Он повернулся к милиционеру, который их привел. – Как вы ее обнаружили? С дорожки за кустами и листьями лопухов ее совсем не видно.

– Вороны галдели, – ответил милиционер, поежившись. – Я хочу сказать, я услышал, как они тут орут, и мне это показалось странным. Я забрался сюда, ну и...

– Тело трогали?

Милиционер мотнул головой.

– Я в курсе, что на месте преступления ничего трогать нельзя. И так было понятно, что девушка мертва. – Он вздохнул и горестно прибавил: – У нас никогда не было ничего подобного...

– Никаких вещей поблизости не было? Ну там, дамской сумки, например...

– Нет.

– Карманы проверяли?

– Я... я не стал до нее дотрагиваться. Я же вам говорил...

– Володя! – крикнул Опалин. – Посмотри, нет ли в карманах документов...

– Ничего нет, – доложил судмедэксперт через минуту. – И это странно.

– Почему?

– Потому что карманы довольно большие, а не маленькие, как иногда шьют сейчас... И еще: один из карманов частично вывернут.

– Кто-то ее обыскал и все забрал?

– Скорее всего.

Пока Шаповалов осматривал труп, Опалин вместе с Петровичем изучали территорию вокруг него, а фотограф расчехлил свой аппарат и принялся устанавливать штатив.

– Да она мертва со вчерашнего дня, – недовольно сказал судмедэксперт, обращаясь главным образом к Опалину.

– А точнее?

– Не меньше двенадцати часов, но не больше суток.

– Володя, дай мне нашатырь, – попросил Петрович, поглядывая на лежащего без сознания Яшу. Шаповалов достал пузырек, протянул его Логинову и вернулся к осмотру тела.

– Задушена, – уверенно объявил судмедэксперт через некоторое время.

– Точно? – протянул Опалин.

– Ну да.

– А потом ей искромсали лицо и отрубили кисти рук?

– Угу.

– Вот тут ветки поломаны, – объявил Опалин, указывая на них. – Получается, он удавил ее на дорожке, потом затащил тело сюда и изувечил.

– Топором, скорее всего, – подал голос Шаповалов.

– Интересный человек, – буркнул Опалин, потирая подбородок. – И удавка у него при себе, и топор...

Позади послышался тихий стон. Яша пришел в себя, и Петрович помог ему сесть и прилечь спиной к стволу березы.

– Она... она...

– Сделай одолжение, не смотри в ту сторону, – сухо попросил Петрович. Он вернул пузырек с нашатырем Шаповалову и отошел к Опалину. Казачинский стоял, не зная, куда деть руки и как вообще себя вести. Ничего похожего на потрясение он не ощущал – только что-то вроде удивления, что, оказывается, человеческое тело можно так изуродовать. И еще – он почему-то ни мгновения не сомневался, что сейчас Опалин сделает или скажет что-нибудь такое, что поможет установить преступника.

– Интересный – не то слово, – рассеянно промолвил судмедэксперт в ответ на слова Опалина, разглядывая следы на шее жертвы. – Удавил ее он очень профессионально. Чувствуется большой опыт, чтоб его...

– Чем именно удавил, можешь сказать?

– Ну... это не веревка, а что-то потоньше. Он находился сзади, она его не видела. Если я прав и этот человек раньше убивал, она даже не успела закричать.

– А потом достал топор, изуродовал лицо и отрубил руки? – сердито спросил Опалин. – Кровь должна была хлестать ручьем и наверняка попала на его одежду. И что? Никто ничего не видел? Никто не обратил внимания на человека в пятнах крови? Черт знает что такое!

– Зачем вообще нужно отрубать руки? – не удержался Казачинский.

– Чтобы нельзя было снять отпечатки пальцев, – ответил Петрович. – А лицо изувечили, чтобы жертву нельзя было опознать. И документы из кармана вытащили... Все сходится.

– А еще она лежит тут со вчерашнего дня, – в сердцах добавил Опалин. – Убийца, само собой, давно скрылся, свидетелей днем с огнем не сыщешь...

– Почему со вчерашнего дня? – слабо подал голос Яша. – Это странно...

– Что в этом странного? – вскинулся Шаповалов, учуяв покушение на свой авторитет. – Ее убили не сегодня, я могу легко это доказать, все подробности напишу в отчете...

– Нет, нет, вы не понимаете, – забормотал Яша, – Ромен Роллан... он же сейчас находится в Советском Союзе! Как раз вчера он был в парке Горького! Приходил сюда... в газетах сообщали... осматривал тут все...

Ответом ему было напряженное молчание. Было только слышно, как ветер раскачивает ветви деревьев да где-то на реке гудит, проходя, баржа или теплоход.

– Дополнительную охрану вчера выставляли? – наконец спросил Опалин болезненным голосом у милиционера.

Не сводя с говорящего глаз, тот кивнул.

– А посетители? Что с ними?

– Ну нельзя же совсем без посетителей... – пробормотал милиционер и угас. – Пускали, конечно... Сначала хотели закрыть парк, но подумали, что гостю покажется странным... Как же так – такой объект, и никого нет...

И вот, не угодно ли, аккурат в день визита известного французского писателя в парк Горького там убивают женщину. Казачинский видел, что Опалин очень хочет сказать что-то резкое, но сдерживается – из последних сил.

– Когда нашли тело, видели возле него какие-нибудь следы? – спросил Иван.

– Нет.

– Нет – вы уверены, что их не было, или нет – вы не приглядывались?

– Я забыл, – признался милиционер, краснея.

– Ну а теперь, конечно, тут все уже затоптали ваши коллеги, которые подходили посмотреть на труп, – усмехнулся Петрович.

– Ночью был дождь, – не удержался Казачинский. – Думаете, если бы они тут не ходили, следы убийцы бы сохранились?

Милиционер, нашедший тело, посмотрел на него с благодарностью.

– Ладно, – буркнул Опалин, морщась. – Что у нас в сухом остатке? Женщина убита в парке Горького, тело обнаружено минимум через 12 часов, рук нет, лицо изуродовано. Возможно, преступница, убийца – профессионал с крепкими нервами: не побоялся напасть в таком месте да еще сумел уйти. – Он недовольно покачал головой. – Володя, ты не в курсе, доктор Бергман сейчас в отпуске или как?

– Ты мне не доверяешь? – мрачно спросил Шаповалов. Он дернул шеей, затем поправил очки. Все веселье судмедэксперта куда-то улетучилось, и Казачинский невольно подумал, что тот, должно быть, очень самолюбивый человек.

– Я тебе доверяю, – спокойно ответил Опалин, – но мне надо, чтобы он осмотрел труп – то, что от него осталось, – и сказал, чем покойная занималась при жизни. Это нам здорово облегчит ее поиски... Сам понимаешь, тут вряд ли можно рассчитывать на то, что родственники обратятся в милицию с заявлением о пропаже. Хотя этого тоже нельзя исключать...

– Ваня, нам понадобятся еще люди, – вмешался Петрович. – Придется опрашивать персонал парка и тех, кто дежурил вчера. У нее довольно заметное платье, может быть, кто-то его запомнил...

– Да, этим тоже придется заняться, – хмуро ответил Опалин. – О, а вот и Саша...

Казачинскому стало интересно, кого он назвал Сашей, но им оказался уже знакомый Юре следователь Соколов. Сейчас он выглядел куда приличнее, чем утром, и, приблизившись, обменялся с Опалиным крепким рукопожатием.

– Я тут пообщался с комендантом парка, – сообщил Соколов, причмокнув так, словно его беспокоил большой зуб. – Он рвет и мечет. Уже звонил наверх и требовал бросить на дело следователя по важнейшим делам. Их и так было двое, а теперь один остался и работой завален по уши... Что это вообще такое, по-твоему? – Он кивком головы указал на труп.

– Пока не знаю, но на первый взгляд – чистая уголовка, – отозвался Опалин и стал излагать свои соображения. Соколов слушал его, щурясь, и изредка чесал шею, укушенную комаром.

– Бергман еще не ушел в отпуск, – сказал следователь, когда Опалин умолк, – и да, хорошо бы он сказал свое мнение. Что касается свидетелей – если твои люди начнут опрашивать всех подряд, на это уйдет несколько месяцев. На убитой красивое платье, так что я сомневаюсь, что она собиралась прыгать с парашютом или заниматься греблей. Может быть, она ходила в кинотеатр. Может, была в ресторане или кафе. У Зеленого театра есть ресторан, потом этот, как его, «Шестигранник» в Аллее пионеров, тут, в Нескучном саду, «Поплавок» и «Золотая рыбка», с них и можно начать.

– Еще есть ресторан на пароходе, – напомнил Казачинский. – Который возле набережной стоит.

– Как приятно встретить знатока, – хмыкнул Соколов. – Точно, про пароход-то я забыл.

«И про «Бар» возле пруда, и про кафе, где подают лучшее в Москве мороженое, и про буфеты», – хотел добавить Юра, но поглядел на хмурое лицо следователя – и прикусил язык. Ни к чему сейчас было настраивать против себя человека, который несколько часов назад помогал разгрести последствия его же опрометчивости.

– Я все-таки не могу понять, – неожиданно проговорил Соколов, глядя на труп, над которым вились мухи, – зачем было так рисковать. Почему нельзя было избавиться от нее в другом месте...

– Может быть, кто-то сильно торопился, – заметил Опалин. – Или больше нигде не мог ее подстеречь.

– Не нравится мне все это, – пробормотал следователь, растирая лоб, – и то, что ее убили вчера, тоже не нравится... Ты своим людям скажи, чтобы держали язык за зубами, ладно? Если иностранная пресса пронюхает, что в парке Горького в день визита Роллана случилось такое... – Он не стал договаривать, а лишь сокрушенно покачал головой.

Опалин заверил его, что муровцы будут молчать как рыбы, и, подозвав фотографа, велел ему сделать как можно больше снимков места преступления.

– Понял, – кивнул Спиридонов и, вернувшись к своему фотоаппарату, принялся за дело. Над кустами вилась белая бабочка, но она улетела, прежде чем он сделал первую фотографию.

Глава 8. Лиза

Как хорошо за книгой дома!
М. Цветаева, «Книги в красном переплете»

Признав разумным совет следователя по поводу ресторанов, Опалин разделил свой маленький отряд и отправил его опрашивать персонал. Петровичу с Казачинским было поручено заняться «Золотой рыбкой» и «Шестигранником», а себе с Яшей Иван оставил «Поплавок» и заведение возле Зеленого театра. Не удержавшись, Юра указал начальству на то, что этот список вовсе не исчерпывает всех заведений парка и что по-хорошему надо еще проверить кинотеатр и самые крупные аттракционы.

– Всеу свое время, – заметил Петрович, усмехаясь. – Поверь, на сегодня тебе хватит...

Юра не поверил ему, и зря. Последующие несколько часов они с Петровичем провели, опрашивая персонал двух – всего лишь двух – ресторанов и пытаясь выявить постоянных посетителей, которые могли что-то заметить. И если «Золотая рыбка» оказалась сравнительно скромным заведением, в знаменитом «Шестиграннике» муровцам пришлось туго. Здесь завтракали, обедали и ужинали целые коллективы приезжих, отдыхающие, а кроме них те из посетителей, кто озаботился купить специальные абонементы на аттракционы с правом ужина в ресторане. Шум стоял невообразимый, между столами метались официанты, которые крайне неохотно отрывались от работы, чтобы ответить на несколько вопросов. Вчера – женщина в платье с маками – да тут сотни женщин проходят за сутки, товарищ! Разве ж мыслимо запомнить их всех?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.